

СИНЕ

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 48 исследовательских центров и 32 международных лаборатории, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№91 / Осень 2017

Международные проблемы

- 6 Роль высшего образования как общественного блага находится под угрозой?
Эллен Хэйзелкорн
- 8 «Свобода слова» и «оскорбительные высказывания» в кампусе
Питер Скотт
- 10 Высшее образование, массовизация и исследовательские университеты
Филип Дж. Альтбах

Взгляды на интернационализацию

- 11 Трансграничное высшее образование в Армении
Татевик Гарибян
- 13 Высшее образование в Республике Маврикий: проблемы и перспективы интернационализации
Шахин Мотала-Тимол, Кевин Кинзер
- 15 Интернационализация украинского высшего образования: проблемы и надежды
Ирина Сикорская

Бесплатное обучение?

- 17 Бесплатное высшее образование: когда путают равенство и справедливость
Ариана Де Гайардон
- 19 Бесплатное образование для нуждающихся
Алекс Ашер

Финансовые проблемы

- 21** Государственные университеты Малайзии и бюджетные сокращения
Дория Абдулла
- 23** Недофинансирование высшего образования в Австралии: еще один упущенный шанс?
Энтони Уэлч

Африка в фокусе

- 25** Буря в стакане воды: африканский взгляд на рейтинги
Дэмтью Теферра
- 27** «Потерянная научная миссия» в африканских университетах
Харрис Андо

Южная Азия

- 29** Можно ли создать университеты мирового класса в Индии?
Филип Дж. Альтбах, Джамиль Салми
- 31** Пакистан: время сфокусироваться на качестве, а не количестве исследователей
Мухаммад З. Ахмед
- 33** Многообразие студенческого сообщества и проблемы демаргинализации в вузах Индии
Нидхи С. Сабхарвал, С. М. Малиш
- 35** Расширение сектора частного высшего образования в Индии: внутренние противоречия
Эльдхо Мэтьюз

Китай

- 37** Культурная миссия передовых университетов Восточной Азии
Ян Жуй
- 39** Преподавание общеобразовательных предметов в китайских университетах
Дуньжун Бе
- 40** Образовательные «стартапы» в жесткой китайской системе высшего образования
У Ханьянь

Роль высшего образования как общественного блага находится под угрозой?

Эллен Хэйзелкорн

Эллен Хэйзелкорн — почетный профессор и бывший директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института (Ирландия), а также международный эксперт Центра глобального высшего образования (CGHE), созданного Английским советом по вопросам финансирования высшего образования (HEFCE) и Советом по экономическим и социальным исследованиям (ESRC). E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.

Статья написана на основе препринта E. Hazelkorn and A. Gibson (2017) "Public goods and public policy: What is public good, and who and what decides?", CGHE Working Paper 18. London: Centre for Global Higher Education (<http://www.researchcghe.org/perch/resources/publications/wp18.pdf>).

Увеличивающийся разрыв

Высшее образование обычно рассматривается как общественное благо (особенно в странах, где оно финансируется государством), так как оно несет пользу как отдельным людям, так и обществу в целом. Высшее образование — источник человеческого капитала, инноваций и предпринимательского потенциала, которые нужны для удовлетворения и развития личностных, общественных и экономических целей, необходимых социуму и индивидам и являющихся основой гражданского общества. По сути, существует негласный общественный договор, который помогает найти баланс между государственной поддержкой (через систему налогообложения) и общественно-политическим порядком (в обмен на институциональную автономию).

Хороший пример такого баланса — государственные университеты и университеты, получившие от государства землю в безвозмездное пользование, расположенные в Великобритании, США и других странах. Эти университеты появились как реакция государства на запрос со стороны общества, а академическое сообщество сыграло значимую роль в том, чтобы они состоялись как качественные образовательные учреждения, вносящие вклад в развитие общества. Многие исходили из базового допущения о том, что, поскольку (государственные) университеты символи-

зируют собой общественное благо и распространяют его через образовательную, исследовательскую и общественную деятельность, в силу самого этого факта и их деятельность, и ее результаты служат общественным интересам.

Сегодня многие аксиомы, на которые опиралась система государственного финансирования высшего образования, утратили силу. Сейчас, когда спрос на высшее образование растет, все большее число людей ощущают, что они как бы остаются за бортом, они не могут оправдать ни собственные ожидания, ни ожидания, предъявляемые обществом. Неравномерное распределение общественных благ сопровождается ощущением, что в остальном мире живется лучше. Преимущества высшего образования с точки зрения экономики и научно-исследовательских разработок недостаточно видны за пределами крупных агломераций. Более того, нам приходится конкурировать с городами и странами, о которых большинство из нас раньше и не слышали или не рассматривали всерьез.

Результаты британских и американских опросов показывают, что университеты и академические сотрудники воспринимаются как чрезмерно своекорыстные субъекты, которые недостаточно заинтересованы в обучении студентов и в их результатах. Университетское сообщество поглощено гонкой за высокие места в международных рейтингах, но в США, например, в самых престижных университетах уровня Гарварда и Йеля обучается менее 1% студентов, а среди британских студентов только 9% приходится на Оксбридж и университеты группы «Рассел» (элитная группа, куда входит 24 вуза. — *Ред.*).

Разнообразие взглядов на мир отражается в результатах недавних выборов в Великобритании, США и Франции, а также в росте социальной напряженности в других странах. Наблюдается увеличение расхождений между университетами и жителями глобализирующихся городов с одной стороны и сообществами и регионами, ориентированными в первую очередь на самих себя — с другой.

Напряженность между высшим образованием и обществом

И в европейских, и в других странах высшее образование находится в стрессовых условиях.

— В США за аккредитацию вузов исторически отвечает «триада», состоящая из федерального правительства, региональных аккредитационных агентств и правительств штатов, и это поддерживается академическим сообществом. Роль федерального правительства не очень значительна. Однако в последние годы все больше растет озабоченность высоким уровнем отсева студентов и трудоустраиваемостью выпускников, в особенности в контексте повышения цен на образование и объема задолженностей по студенческим кредитам. При Обаме был создан государственный портал College Scorecard, который «призывает вузы к ответственности

за соотношение стоимости и качества образования» и обеспечивает возможность общественного контроля их деятельности. Кроме того, Конгресс принял меры, направленные на ужесточение правил аккредитации и работы аккредитационных органов.

— В Великобритании была опубликована первая версия Рамочной программы по улучшению качества преподавания (TEF). Она должна помочь абитуриентам получить более подробную информацию о качестве образовательных программ и повысить престиж преподавательской работы. В каком-то смысле TEF вытеснила существовавшую ранее процедуру оценки качества (QA), представлявшую собой написание длинных отчетов и не позволявшую сравнивать результаты обучения студентов. QA критиковали за чрезмерную бюрократичность, за необходимость заполнения бесконечных анкет. В результате люди перестали доверять QA, и образовалась лакуна, которую постепенно заполнили рейтинги. А TEF обслуживает широкий круг потребностей и интересов и находит поддержку не только у скептически настроенных политиков и общества, но и у других игроков неоднородного образовательного рынка.

— В Ирландии государственное видение высшего образования изложено в «Национальной стратегии развития высшего образования до 2030 года» (опубликована в 2011 году). Стратегия была подготовлена группой экспертов по результатам длительных обсуждений, в ее основу легла идея о «системе высшего образования как едином целом» — в противовес индивидуалистическому подходу, которому способствуют университетские рейтинги. Стратегия также признает объективные ограничения, связанные с размером страны и объемом бюджета. Правительство хочет повысить ответственность вузов, ведя переговорный процесс, получивший название «Стратегический диалог», чтобы в итоге миссия и результаты деятельности вузов лучше соответствовали национальным стратегическим задачам. Еще правительство приняло стратегию приоритизации исследовательских тем, так что теперь финансирование получают исследования, связанные с ключевыми направлениями промышленности.

— В Нидерландах целая цепочка событий последних десятилетий привела к увеличению роли правительства в высшем образовании, что связано с задачей повышения продуктивности и эффективности университетов, а также с внедрением принципа долгосрочного планирования научной деятельности. Такая смена курса была вызвана опасениями по поводу институциональной дифференциации и результатов обучения студентов, в частности высокого уровня отсева и неадекватности системы относительно разнообразных потребностей студентов и рынка труда. Университеты и университеты прикладных наук подписали коллективные стратегические соглашения с национальными министерствами при помощи ассоциаций вузов, которые разработали формат соглашений.

Сегодня многие аксиомы, на которые опиралась система государственного финансирования высшего образования, утратили силу.

Эти соглашения, подписанные всеми вузами, описывают цели и планы, касающиеся структуры образовательной системы, профилей вузов и образовательных программ, и привязаны к системе финансирования.

Пришло время для нового общественного договора?

Все эти примеры иллюстрируют лишь некоторые аспекты роста напряженности между высшим образованием и обществом, которая описывается в категориях подотчетности (обществу) в противовес (институциональной) автономии и становится все более очевидной и конфликтной. Недавние события в Венгрии, Индии и Турции разоблачают, к сожалению, и проблемы другого рода. Все это заставляет пересмотреть вопрос о роли высшего образования в современном обществе и о практическом понимании вузами, правительствами и обществом понятия «общественное благо».

Многие считают, что вторжение властей на территорию, которая привычно ассоциируется с академическим самоуправлением (например, ориентация на конечные результаты и индикаторы деятельности вузов), является свидетельством перехода к нелиберальным практикам новой модели управления обществом (NPM). В последнее время распространение националистической и шовинистской идеологии привело к конфликту между вузами и правительствами, которые пытаются ограничить иммиграцию, остановить мультикультурализм и ставят под сомнение либеральные ценности. Из-за идеологизированности этих событий академическое сообщество позволило себе отмахнуться в том числе и от критических замечаний, что только подкрепило общественные опасения насчет самодовольства и изоляционизма вузов.

В этом смысле интересен пример Ирландии. Отказ одного-единственного университета отреагировать на правомерные обвинения в финансовых злоупотреблениях привел к тому, что общество начало задавать вопросы всему сектору. Университеты, в свою очередь, утверждают, что из-за сокращения бюджетного финансирования государственные вузы уподобились частным и что модель управления в этой связи изменилась. Но таким образом они фактически перекраивают свою роль и вместо «общественного блага» переходят к транзакционным отношениям, тем самым открывая ящик Пандоры.

На протяжении последних десятилетий мы наблюдали серьезные сдвиги в организации управления — от строгого регулирования к «удаленному пилотированию», к проявлению признаков нового общественного договора. Модель нового общественного договора предполагает сплочение вузов и властей с целью выработать единое видение и договориться о предполагаемых результатах. Подобное практикуется, к примеру, в Австралии, Гонконге, Ирландии, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии и канадской провинции Онтарио. Это показывает, что разные цели вовсе не означают взаимоисключение и что восприимчивость к запросам общества легитимирует цели собственно академического сообщества в самом широком смысле.

Если раньше государство обеспечивало жизнедеятельность университетов, то теперь, в эпоху глобализации и практически всеобщего высшего образования, вузы должны обеспечивать жизнедеятельность общества. В этих новых условиях у вузов есть возможность сделать выбор в пользу осмысленного содействия в разработке нового общественного договора, иначе в этот процесс вмешается государство и возьмет все обязанности на себя.

.....

«Свобода слова» и «оскорбительные высказывания» в кампусе

Питер Скотт

Питер Скотт — профессор наук о высшем образовании Института образования Университетского колледжа Лондона (Великобритания), уполномоченный правительства Шотландии по вопросам равного доступа к высшему образованию. E-mail: P.Scott@ioe.ac.uk.

Во многих странах свобода слова и академическая свобода находятся под угрозой: в Венгрии, Китае, России, Турции угроза исходит со стороны авторитарных правительств, в ближневосточных государствах — со стороны религиозных фундаменталистов, в других регионах — со стороны правых популистов, которые убеждены, что их культуре и обществу грозит опасность (и которые зачастую относятся к университетам как к бастионам либерализма и космополитизма). Но либералы внесли свою лепту в формирование такого отношения. Так, студенты Йеля и Принстона проводили кампанию за переименование ряда корпусов, включая корпус, названный в честь президента

Вудро Вильсона — автора знаменитых «Четырнадцати пунктов», четырнадцати безукоризненных с либеральной точки зрения принципов, которые помогли положить конец Первой мировой войне. А студенты Оксфорда, вдохновленные успешным опытом студентов Кейптаунского университета, пытались повторить кампанию южноафриканцев «Родс должен пасть» (#RhodesMustFall), хотя в Оксфорде «оскорбительная» статуя Сесила Родса, империалиста поздневикторианского периода, гораздо скромнее ее аналога в Кейптауне и расположена высоко на фасаде Ориельского колледжа.

Неоднозначная политическая реакция

Даже в демократических странах политическая реакция на подобные события оказалась неоднозначной. Например, в Великобритании правительство на законодательном уровне потребовало, чтобы в университетах была гарантирована свобода слова для непопулярных спикеров (возможно, имелись в виду спикеры правого толка?) и чтобы пресекались кампании, призывающие к недопущению таких спикеров в стены вузов. В то же время правительство настаивает на том, чтобы руководство университетов сопротивлялось попыткам исламских фундаменталистов радикализировать студентов, и придумывает новые, неслыханные в демократическом дискурсе термины типа «ненасильственный экстремизм».

Правда заключается в том, что «свободу слова» и «политкорректность» нужно рассматривать не как полярные принципы, а как части единого спектра. Никакой разумный человек не будет утверждать, что свобода слова абсолютна: во-первых, потому, что никто не имеет права кричать «Пожар!» в переполненном кинотеатре (так же, как и использовать расистскую риторику в мультикультурном вузе?); во-вторых, потому, что свобода слова всегда реализуется в рамках системы законов. И даже самые ярые защитники свободы слова утверждают, что она возможна именно благодаря верховенству права.

Меняющийся контекст

Вместо того чтобы пытаться выработать абсолютные принципы, было бы полезно выявить тенденции, которые влияют на общественную дискуссию. Первая закономерность заключается в том, что правомерные дебаты об (абсолютной) пользе науки шли всегда и идут до сих пор. Раньше возражения касались не столько самой науки, сколько способов ее применения. Сейчас некоторые участники таких дискуссий идут дальше. Исследования стволовых клеток и генома человека, безусловно, вызывают вопросы об автономии и даже святости человеческого существования, равно как и когнитивистика (некоторые ее аспекты) и исследования искусственного интеллекта.

Во-вторых, наблюдается сдвиг в сторону более бесвязного, раздробленного, неустойчивого и идеологически многообразного глобального «климата».

Дурманящий период триумфа после 1989 года, когда Фрэнсис Фукуяма объявил о «конце истории», остался далеко в прошлом. Усиление так называемого популизма (выразившееся в избрании Дональда Трампа президентом США, решении Великобритании выйти из ЕС, росте политического влияния Путина и Эрдогана и т.д.) возродило идеологические проблемы. Они, безусловно, являются причиной дискомфорта, который ощущается в вузах и провоцирует жаркие споры между сторонниками «свободы слова» и «политкорректности».

В-третьих, наблюдается усиление так называемой политики идентичности, что связано с первыми двумя тенденциями. К традиционным маркерам социальной идентичности (гражданство, религия, этническая принадлежность, гендер, социально-экономический класс) добавились новые; какие-то из них (относительно) стабильны, например сексуальная ориентация, другие же более подвижны, т.к. определяются образом жизни и культурными привычками. Эти неустойчивые, иногда экспериментальные социальные маркеры особенно ярко проявляются в студенческой среде. Люди с нестандартными социальными, культурными или даже сексуальными предпочтениями больше не готовы ограничиваться сопротивлением только дискриминации.

Последнее и самое важное изменение заключается в том, что в связи с массовизацией высшего образования в XXI веке студенческое сообщество стало гораздо более разнородным, чем относительно однородный студенческий контингент элитных университетов, существовавших ранее обособленно. Несмотря на все недостатки, в большинстве развитых стран система высшего образования стала отражать все многообразие общества, в котором она функционирует.

Социально-культурное многообразие влияет на общественную дискуссию о «свободе слова» и «политкорректности». Выходцы из уязвимых групп населения, которые больше всех выиграли от перекалибровки языка общественной дискуссии, впервые могут получать высшее образование, и благодаря этому они набирают силу. Они порицают классические либеральные ценности, некогда считавшиеся универсальными и абсолютными, как селективные и узкие. Если они слышат что-то, что, по их мнению, замахивается на их идентичность, культуру или даже на их все еще хрупкое положение в системе высшего образования, они легко интерпретируют это как недопустимое использование свободы слова.

Ответственность университетов

Описанные перемены, касающиеся дискуссий вокруг «свободы слова» и «политкорректности», позволяют сделать два вывода. Во-первых, нет ничего абсолютно. Никакое общество никогда не давало своим гражданам неограниченную свободу слова. И хотя университеты должны обеспечивать возможность для реализации этого права в рамках законодательных и

общественно приемлемых ограничений (и даже иногда идти еще дальше), никакой вуз не согласится с тем, что «все дозволено». С другой стороны, хотя нужно уважать людей, которые чувствуют себя уязвленными или беззащитными, нельзя полностью им потворствовать, если это ставит свободную и энергичную интеллектуальную дискуссию под угрозу. Нужно быть прагматичными и стремиться найти верный баланс, который может меняться в зависимости от времени и места.

Последнее и самое важное изменение заключается в том, что в связи с массовизацией высшего образования в XXI веке студенческое сообщество стало гораздо более разнородным, чем относительно однородный студенческий контингент элитных университетов, существовавших ранее обособленно.

Во-вторых, университеты отлично подготовлены — или должны быть отлично подготовлены — к тому, чтобы постоянно находить этот новый баланс. Свобода выражения, которая заключается в критическом поиске, — это ключевая ценность академического мира. От этого зависит и способность университетов готовить не просто технических экспертов, но критически мыслящих граждан, а также заниматься передовой наукой и просвещением. Однако умеренность в языке и взаимоуважение — это тоже важнейшие компоненты университетской жизни, хотя не стоит вызывать к ним слишком часто в попытках защитить слишком тонкокожих людей и таким образом нечаянно благоприятствовать тем, кто призывает к цензуре.

Высшее образование, массовизация и исследовательские университеты

Филип Дж. Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

В последние 70 лет по всему миру наблюдался беспрецедентный рост числа студентов и расширение спектра функций вузов, поэтому можно говорить о настоящей революции в сфере высшего образования. Только за последнее плюс-минус десятилетие численность студентов в мире удвоилась. Но немногие страны предпринимают целенаправленные усилия по созданию четко дифференцированной и отлаженной системы высшего образования, которая бы могла выполнять новые академические функции, поддерживать высокие стандарты качества и отвечать на разнообразные запросы все более неоднородного студенческого сообщества.

По мере усложнения страновых экономических систем и роста количества взаимосвязей между ними в глобальном контексте для поддержания этих связей требуются все более специфические навыки, и высшее образование призвано готовить профессионалов соответствующей квалификации. Практически везде наличие диплома стало залогом социальной мобильности и условием вхождения на рынок квалифицированного труда. Расширение многообразия вузов стало ответом на общественную потребность в доступном образовании, однако логической дифференциации образовательного ландшафта не последовало.

В то же время во всем мире традиционные исследовательские университеты несут постоянно тяжелеющее бремя подготовки академических кадров для расширяющегося сектора высшего образования, научной работы и участия в глобальных информационных сетях, продолжая при этом готовить профессионалов, которые должны стать общественными лидерами. Обычно таких университетов в любой стране меньшинство. И хотя это передовые академические организации, которые имеют первостепенное значение в обществе, они испытывают небывалые бюджетные трудности, от них требуют все большей прозрачности, и одновременно с этим они вынуждены участвовать во всемирной гонке за звание «университетов мирового класса». Остальные вузы возлагают надежды на то, что эти престижные университеты возьмут на себя роль морального лидера, но те преимущественно про-

должают придерживаться своих традиционных ролей. Пока исследовательские вузы в большинстве своем не признают себя частью обширной экосистемы высшего образования и не хотят брать на себя обязательства по выработке общего курса для академического сообщества в целом.

Совершенно очевидно, что нужно как-то скоординировать между собой растерянные сонмы вузов, которые появляются тут и там. Во многих странах большая доля новых вузов оперирует в частном секторе, и среди них становится все больше коммерческих. Чрезвычайно важно сделать так, чтобы частные вузы отвечали интересам общественности и обеспечивали приемлемое качество образования.

В целом беспрепятственная диверсификация вузов стала ответом на требования рынка, однако вместо этого нужен целенаправленный подход к созданию дифференцированной системы высшего образования, которая бы отвечала комплексу социальных задач, возникших преимущественно в последние полвека. Такая система должна принимать во внимание различные роли и задачи разных типов вузов, а также обеспечивать признание их значимости и эффективно координировать их деятельность.

Хотя исследовательские вузы всегда возглавляют любую академическую систему, они должны признать, что являются неотъемлемой частью многогранного комплекса. Исследовательские университеты представляют собой лишь небольшой сегмент больших и сложных систем, поэтому важно, чтобы эти штучные организации не расширялись и чтобы остальные вузы не пытались им подражать и конкурировать с ними.

Все эти вопросы недавно обсуждались в Гамбурге во время проходящей каждые полгода Гамбургской международной конференции руководителей университетов, проводимой Фондом Кёрбера, Университетом Гамбурга и Германской конференцией ректоров (HRK). Основной темой обсуждения была диверсификация и дифференциация академических систем. На конференции собрались руководители 50 университетов со всего мира, и по результатам обсуждения они выпустили следующее заявление.

Гамбургская декларация: Организация высшего образования в XXI веке

Роль исследовательских университетов

- Будучи передовым академическим институтом, исследовательский университет играет центральную роль в мировой экономике знаний. Он готовит лидеров, ученых и специалистов, которые работают на благо общества, академического мира, промышленности и экономики в целом. Он занимается исследованиями и является окном в мировую науку.

- Исследовательские университеты являются залогом успешности системы высшего образования и работают на пользу всего общества.
- Исследовательские университеты существуют в условиях усложнения и увеличения разнообразия академической экосистемы, которая включает большое число вузов, обслуживающих потребности разных групп населения. Чтобы эффективнее работать в современном обществе, исследовательские университеты должны продолжать выполнять свою фундаментальную роль в образовании, науке, способствовать личностному развитию, служить обществу и одновременно с этим конструктивно взаимодействовать с другими вузами, например взяв на себя моральное лидерство.

Будучи передовым академическим институтом, исследовательский университет играет центральную роль в мировой экономике знаний.

Условия для эффективной дифференциации

Для того чтобы процессы дифференциации высшего образования по всему миру проходили в соответствии с научно обоснованным и ценностно ориентированным подходом, необходимо следующее:

- Четкая дифференциация. Необходимо ясно очертить и оградить миссию каждого типа вузов. Система контроля должна быть направлена на поддержание разумной академической дифференциации. Мы замечаем, что международные рейтинги вузов нередко искажают дифференциацию, т.к. поощряют гомогенизацию.
- Автономность. Вузы должны обладать достаточной автономией, для того чтобы самостоятельно управлять ресурсами, необходимыми для реализации их миссии.
- Финансирование. Должна быть обеспечена стабильность финансовых потоков, объемы которых должны соответствовать каждому типу вузов.
- Качество. Должны быть внедрены системы контроля качества, которые были бы разработаны и реализовывались профессионалами из академической среды и которые могли бы стать неотъемлемым элементом деятельности всех без исключения вузов.

- Отсутствие барьеров. Должны быть четкие механизмы, обеспечивающие равный доступ к высшему образованию и позволяющие студентам легко переходить из одного типа вуза в другой без потери академического качества.
- Внутренняя связность. Частные вузы — самый быстрорастущий в мире сегмент высшего образования — должны при наличии эффективной системы легко и полноценно интегрироваться в нее.

Гамбургская декларация затрагивает вопросы, которые волнуют ректоров — участников конференции и представителей организаций-спонсоров. Массовизация привела не просто к увеличению количества студентов и вузов, но и к усложнению и диверсификации высшего образования. Основная проблема, которую большинству стран решить пока не удалось, заключается в поддержании рационального устройства системы высшего образования. Кроме того, высшее образование пока не до конца справляется с запросами все более многообразного студенческого сообщества и комплексными потребностями глобальной экономики.

*Доклад, который лег в основу прошедшей в Гамбурге дискуссии, доступен на сайте Фонда Кёрбера (бесплатно): http://www.bc.edu/content/dam/files/research_sites/cihe/pdf/Korber%20bk%20PDF.pdf. Он был также опубликован в виде книги Philip G. Altbach, Liz Reisberg, and Hans deWit, eds., *Responding to Massification: Differentiation in Postsecondary Education Worldwide* (Rotterdam, Netherland: Sense Publishers, 2017).*

.....

Трансграничное высшее образование в Армении

Татевик Гарибян

Татевик Гарибян — старший специалист по развитию высшего образования Министерства образования и науки Армении; в 2016/2017 году — лауреат стипендиальной программы для исследователей имени Хуберта Хамфри в Университете штата Пенсильвания и приглашенный исследователь в Центре по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: tatevikgharibyan@gmail.com.

После распада СССР в 1991 году, когда Армения обрела независимость, ее система высшего образования стала развиваться самостоятельно. Появилось множество частных и международных вузов, которые называли себя университетами, потому что никакого законодательно закрепленного определения у понятия «университет» не было. Правительство снизило

количество вузов путем внедрения механизмов лицензирования и аккредитации, а также стало проводить политику слияния вузов, но их число в Армении по-прежнему довольно высоко.

Население Армении составляет около 3 млн человек. В вузах учится 44,31% молодежи. В стране 65 вузов: 23 государственных некоммерческих, 31 частный коммерческий, четыре «межгосударственных» и семь филиалов иностранных вузов. Межгосударственные вузы действуют на основе межгосударственных соглашений между Арменией и правительствами других стран. Их деятельность регулируется законодательством обеих стран, лицензию и аккредитацию они также получают в обеих странах.

Трансграничное образование как стимул к интернационализации

С одной стороны, Армения столкнулась с рядом проблем, возникающих в связи с трансграничным образованием, из-за слабой национальной нормативно-правовой базы и отсутствия стандартов и критериев качества для контроля за партнерскими образовательными программами. С другой стороны, создание трансграничных вузов подтолкнуло интернационализацию высшего образования и усилило межвузовскую конкуренцию. Для привлечения в межгосударственные вузы представителей довольно обширной армянской диаспоры, насчитывающей около 8 млн человек по всему миру, правительство поддержало их через освобождение от исполнения ряда регулятивных обязательств.

В 2005 году Армения присоединилась к Европейской зоне высшего образования (ЕНЕА) и смогла участвовать в проектах по наращиванию потенциала TEMPUS и Erasmus+, благодаря чему армянские вузы получили прочную базу для развития партнерских отношений с европейскими вузами. Сейчас армянские вузы используют открывшиеся перед ними возможности для создания совместных программ / программ двойных дипломов с европейскими партнерами и для интернационализации собственных программ.

После распада СССР в 1991 году, когда Армения обрела независимость, ее система высшего образования стала развиваться самостоятельно.

Транснациональное высшее образование

В Армении реализуются различные формы транснационального высшего образования: межгосударственные вузы; вузы, работающие по франшизе; совместные программы / программы двойных дипломов; филиалы иностранных вузов; независимые вузы; онлайн-программы.

В соответствии с национальным законодательством все образовательные учреждения и программы должны иметь лицензию Министерства образования и науки. И хотя университеты, у которых есть совместные программы или программы двойных дипломов, имеют лицензию, процедуры и критерии разработки и реализации таких программ, а также взаимоотношения с иностранными вузами-партнерами никак не регулируются армянским законом. Недавно были предложены поправки в закон о высшем образовании, которые касаются в том числе совместных программ / программ двойных дипломов, но они пока не применяются на практике.

Если говорить об аккредитации (вузов или программ), у руководства вузов есть возможность выбрать, куда обратиться — в фонд «Национальный центр обеспечения качества профессионального образования» (ANQA), в любое агентство, зарегистрированное в Европейском реестре агентств по контролю качества высшего образования (EQAR), или в любое агентство, состоящее в Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании (ENQA). Вузы, которые реализуют программы совместно с вузами (или филиалами вузов) из стран, не входящих в Европейскую зону высшего образования, могут обращаться либо в ANQA, либо в любое другое агентство из списка организаций, одобренных Министерством образования и науки. Стоит отметить, что, как и в большинстве других стран — участниц Болонского процесса, в Армении не разработаны стандарты качества или рекомендации для оценки совместных программ.

Кто занимается трансграничным образованием в Армении?

К основным организациям относятся:

- Американский университет Армении (AUA), основанный при поддержке правительств Армении и США (при финансовом участии Агентства международного развития США), Всеармянского благотворительного союза и Калифорнийского университета. AUA — это независимый частный некоммерческий вуз, который аккредитован Комиссией по колледжам и университетам Западной ассоциации школ и колледжей (WASC) и который выдает американские дипломы. В AUA есть бакалаврские и магистерские программы, подготовительные курсы и программы дополнительного образования, а также несколько исследовательских центров, которые занимаются вопросами

национального и международного значения. АUA очень популярен в Армении, и туда поступают лучшие абитуриенты.

- Российско-Армянский (Славянский) университет (РАУ) — государственный коммерческий вуз, созданный на основе межправительственного соглашения. РАУ выдает двойные дипломы, в нем пять факультетов и 31 кафедра, реализуются программы аспирантуры, совместные с другими российскими и европейскими университетами, ведется научно-исследовательская работа.
- Французский университет Армении (UFAR) — создан на основе межправительственного соглашения при участии Университета Лион-3 имени Жана Мулена по франшизе. Официально это частная негосударственная организация, выдающая двойные дипломы.
- Европейская региональная образовательная академия Армении (EREA) — еще одна межгосударственная общественная некоммерческая организация. Академия была учреждена по решению правительства Армении на основе франчайзинговых соглашений с образовательными учреждениями ряда европейских стран, выдает дипломы армянского образца.

Согласно национальной рейтинговой системе, Американский университет Армении и Российско-Армянский университет занимают второе и третье места в стране соответственно.

Помимо этого, действует семь филиалов российских, украинских и белорусских университетов — они выдают дипломы головных (иностраных) вузов. Открытой информации об этих филиалах нет, непонятно даже, сколько у них выпускников, поэтому оценить качество образования в них не представляется возможным.

Самый новый игрок в армянской системе высшего образования — Ереванский филиал МГУ им. Ломоносова. Он открылся в 2015 году, поэтому выпускников у него пока нет. Этот вуз предлагает программы бакалавриата по семи направлениям, большинство из которых пересекается с программами РАУ, так что возникает впечатление, что они, возможно, соревнуются за одних и тех же абитуриентов. С другой стороны, приход МГУ на армянский рынок образования может пойти на пользу интернационализации и привлечь абитуриентов из других стран СНГ.

Что готовит будущее?

При наличии в Армении большого числа частных вузов большинство абитуриентов (около 87%) по-прежнему предпочитает государственные и межгосударственные вузы, несмотря на высокую цену обучения. Примерно 15% абитуриентов выбирают трансграничное образование, и их численность стабильно растет. Это, а также результаты национальных рейтингов, в которых частные вузы занимают последние позиции, говорит о

низком качестве частного высшего образования в Армении и его низкой конкурентоспособности.

Транснациональные вузы набирают популярность во многом за счет того, что студенты могут обучаться не на армянском, а на других языках. Законодательство страны затрудняет преподавание на иностранных языках в местных вузах, так что транснациональные и местные вузы оказываются в неравных условиях, из-за чего растет количество жалоб с их стороны.

В свете приведенных фактов популярность трансграничного образования в Армении, скорее всего, будет расти, и местным вузам придется плотнее заняться интернационализацией, если они хотят продолжать успешно конкурировать на рынке высшего образования.

Высшее образование в Республике Маврикий: проблемы и перспективы интернационализации

Шахин Мотала-Тимол, Кевин Кинзер

Шахин Мотала-Тимол — представитель Комиссии по высшему образованию Маврикия, ответственная за контроль качества и аккредитацию вузов, в 2016-2017 году — стипендиат программы имени Хуберта Хамфри в Университете штата Пенсильвания и приглашенный исследователь Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: sam776@psu.edu.

Кевин Кинзер — профессор, руководитель департамента изучения образовательной политики и управления образованием, содиректор группы C-BERT Университета штата Нью-Йорк в Олбани. E-mail: kpk9@psu.edu.

Для того чтобы соответствовать глобальным трендам высшего образования, Маврикий в конце 1990-х признал интернационализацию ключевой стратегией достижения статуса регионального центра знаний и высоких показателей. В 2000 году идеи правительства нашли отражение в «Новой экономической политике». Будучи островным государством, Маврикий обладает рядом преимуществ, поддерживающих достижение поставленных целей: стратегическое положение в Индийском океане, исторические связи с Европой, двуязычная образовательная система. С момента обретения независимости в 1968 году Маврикий проявляет себя глобальным игроком в ряде отраслей

за счет инноваций в достижении экономического роста и диверсификации — от традиционных секторов экономики до сферы услуг. Эта статья посвящена тому, как Маврикий через интернационализацию превращает высшее образование в одну из основ своей экономики и с какими трудностями ему пришлось столкнуться.

Развитие экономики знаний

Заявленная в «Новой экономической политике» 2000 года цель по развитию Маврикия как регионального центра знаний подстегнула интернационализацию высшего образования. По факту государственные и частные вузы страны уже были вовлечены в интернационализацию начиная с конца 1990-х годов благодаря участию в трансграничном образовании и сотрудничеству с университетами развитых стран. Частные вузы предлагали образовательные программы, разработанные по франшизе, а некоторые зачисляли студентов на зарубежные дистанционные программы. Государственные вузы разрабатывали с зарубежными университетами совместные образовательные программы по слабо развитым на Маврикии направлениям. Государственные вузы также привлекали зарубежных экзаменаторов, что помогало им соответствовать международным стандартам и добавляло еще один аспект интернационализации.

В 1988 году была создана Комиссия по высшему образованию (в английской аббревиатуре — ТЕС) — государственный орган, регулирующий деятельность сектора. В 2007 году, после консолидации законодательства в сфере высшего образования, комиссия получила дополнительные полномочия. В 2010 году было создано Министерство высшего образования, что стало еще одним шагом в сторону экономики знаний. ТЕС занималась разработкой и реализацией мер, необходимых для достижения поставленных правительством целей. Но на смену планомерному, ступенчатому подходу в итоге пришла более радикальная стратегия. На национальном уровне правительство поставило задачу демократизации высшего образования, чтобы в каждой семье был хотя бы один человек, окончивший вуз. Если же говорить об интернационализации, то правительство хотело привлечь в страну к 2020 году 100 000 международных студентов и создать хотя бы один вуз мирового класса. Министерство создало «универсальное» агентство Study Mauritius, которое должно было решать задачу удовлетворения потребностей иностранных студентов. Правительство поощряло те частные вузы, которые уже имели большой опыт в трансграничном высшем образовании, расширять набор и налаживать партнерские отношения с известными вузами. Была ускорена процедура выдачи виз иностранным студентам. А Инвестиционный совет Маврикия проводил совместно с ТЕС и местными вузами ярмарки образования и разрабатывал стратегии увеличения инвестиций в регионе.

Трудности интернационализации

Конечно, внедрение новых мер было сопряжено с определенными рисками и привело к ряду непредвиденных последствий. Повышение доступности высшего образования за счет снижения требований к абитуриентам и введения альтернативных способов поступления, безусловно, негативно сказалось на качестве студентов и, соответственно, на качестве образования и трудоустроиваемости выпускников. Тогда правительство разработало планы переподготовки для безработных выпускников вузов. Последний такой проект назывался «Подготовка выпускников к трудовому найму» (2015 год), его цель — дать безработным выпускникам вузов востребованные навыки и повысить их шансы на трудоустройство. Численность студентов в государственных вузах выросла с примерно 9000 в 2000 году до 22 800 в 2014 году. Но вузы оказались не готовы принимать больше студентов, не получая при этом дополнительных ресурсов. Хотя государственные вузы и занимались интернационализацией, ни у кого из них не было соответствующей стратегии. Они по-прежнему были привлекательны только для местных студентов, за исключением тех вузов, которые сотрудничали с частными медицинскими институтами. Самым мудрым решением на пути к превращению страны в региональный центр знаний стало укрепление главного и старейшего вуза — Университета Маврикия. В 2010 году его ректором был назначен иностранец, и это решение должно было помочь переориентировать руководство вуза на международную деятельность, но в 2012 году этот ректор ушел в отставку. В том же 2012 году в стране появилось еще два новых университета: один из них занимается дистанционным образованием, другой возник в результате слияния двух политехнических институтов.

В период с 2000 по 2014 год численность студентов частных вузов выросла с 5250 до 18 000, но они оставались непривлекательными для иностранцев. Из 50 частных вузов только у двух был свой кампус, а это важный фактор для международных студентов. Обучение в них было дороже, чем в государственных, поэтому для студентов очной формы обучения вставал финансовый вопрос. Некоторые частные вузы воспользовались новой политикой правительства, которое было заинтересовано в привлечении иностранных студентов, и стали раскручиваться в таких странах, как Бангладеш, подчеркивая то, что некоторые из их образовательных программ не предъявляли формальных вступительных требований. Часть иностранных студентов на самом деле приехала на Маврикий работать, а не учиться, но заплатила при этом большие деньги иностранным рекрутинговым агентствам. Регулирование таких ситуаций и осуществление контроля за международными маркетинговыми стратегиями частных вузов не входило в круг полномочий Комиссии по высшему образованию.

Значимым элементом интернационализации высшего образования Маврикия стали филиалы зарубежных вузов. Мидлсекский университет и Вулвергемптонский университет (Великобритания), а также Университет «Восточный институт интегрированного обучения управлению» (EPLM, Индия) открыли свои филиалы на Маврикии до 2014 года. В 2013 году после официальных коммуникаций индийской Комиссии по распределению университетских грантов, которая сообщила, что не давала индийским вузам права открывать филиалы за рубежом, EPLM пришлось свернуть свою деятельность на территории Маврикия. Филиал Вулвергемптонского университета закрылся в 2015 году, что, скорее всего, было связано с нехваткой студентов. Еще один британский вуз — Университет Ковентри — пытался наладить работу образовательного центра совместно с местными партнерами, но ему это не удалось.

Хотя с 2010 по 2015 год количество иностранных студентов в стране утроилось (с 500 до 1500, главным образом за счет приезда студентов из Африки), необходимого критического числа, для того чтобы Маврикий можно было считать региональным центром знаний, еще не набралось. Кроме того, регулирование ТЕС не менялось с 2007 года, и, соответственно, университетам мирового класса не предлагается достаточно стимулов для того, чтобы рискнуть открыть филиал на Маврикии.

К концу 2014 года Комиссии по высшему образованию пришлось столкнуться с множеством новых проблем. Рост численности иностранных студентов вызвал увеличение спроса на иные, не образовательные услуги. Для поддержки интернационализации другим министерствам пришлось пересмотреть политику в сфере здравоохранения, труда, жилищного строительства и иммиграционных правил и объединить усилия для решения вопросов, связанных с приездом иностранных студентов.

Текущее положение дел

После выборов декабря 2014 года, когда было сформировано новое правительство, Министерство высшего образования закрылось и сектор снова оказался под зонтиком единого Министерства образования. С этого момента ТЕС стала осмотрительнее действовать в вопросах обеспечения качества. В настоящее время правительство Маврикия занимается консолидацией законодательства в сфере высшего образования.

Пример Маврикия позволяет сделать ряд выводов относительно интернационализации высшего образования. Во-первых, интернационализация требует сбалансированного планирования и вовлечения всех заинтересованных сторон. Во-вторых, достичь поставленных целей можно путем четкого регламентирования соответствующих видов деятельности, что необходимо для стимулирования инноваций и предотвращения злоупотреблений.

В настоящее время правительство Маврикия занимается консолидацией законодательства в сфере высшего образования.

В-третьих, государственным вузам необходимо сильное руководство, которое возьмет курс на интернационализацию. В-четвертых, для частных вузов стратегия интернационализации нужно разрабатывать индивидуально, поскольку у каждого из них собственный вектор развития. В-пятых, для того, чтобы привлечь в страну высокоуровневые зарубежные вузы, нужно создать для них соответствующие стимулы и обеспечить благоприятную инфраструктуру. И, наконец, в-шестых, развитию трансграничного образования должно сопутствовать наличие взаимовыгодных межгосударственных договоренностей.

Последние годы оказались для Маврикия беспокойными, но очень полезными для планирования и проведения интернационализации экосистемы высшего образования. Маврикию стоит максимально эффективно использовать уникальные контекстуальные преимущества и разработать новую нормативно-правовую базу, которая будет увязана с динамичным сектором высшего образования и учитывать его культурные особенности.

.....

Интернационализация украинского высшего образования: проблемы и надежды

Ирина Сикорская

Ирина Сикорская — старший научный сотрудник Института высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины, Киев. E-mail: irinasikorskaya0207@gmail.com.

В последнее время украинские вузы начали активно развивать международную деятельность как часть масштабной работы по повышению качества образовательных услуг в стране, стремясь сделать их соответствующими международным стандартам. После долгих десятилетий изоляции украинские вузы увлеклись интернационализацией, в частности программами академической мобильности и программами двойных

дипломов, а также стали поддерживать заинтересованных в налаживании связей иностранных ученых и студентов. После 2005 года изложенные в Болонской конвенции принципы обрели стратегическое значение, а интернационализация стала актуальной для Украины темой. Важно отметить, что, хотя раньше ключевым движущим фактором реализации реформ на институциональном уровне выступали национальные политические мотивы, сейчас роль центрального правительства в процессе реформирования ограничивается выпуском образовательных рекомендаций и контролем за их соблюдением.

Интернационализация с институциональной точки зрения

Украинские вузы сформировались в условиях единого социального, академического и исторического контекста, поэтому их международная деятельность во многом похожа и включает три основных элемента: привлечение иностранных студентов, студенческая и академическая мобильность, участие в международных проектах.

Интернационализация во многом фрагментарна, несистемна и не связана с миссией конкретного вуза, его традициями или текущим контекстом. Это можно списать на нехватку управленческих навыков у высшего руководства большинства вузов. Однако тот факт, что эти люди признают — хотя бы на словах — важность интернационализации, указывает на то, что система движется в правильном направлении.

Большинство вузов сосредоточилось на привлечении международных студентов. Они нужны для повышения доходов и для получения международного признания. Основные барьеры, препятствующие приему иностранцев, — это язык, визовые требования, бюрократия, сложность поиска подходящего жилья, проблемы, связанные с признанием кредитных единиц и дипломов. Одна из главных забот — интеграция международных студентов принимающим вузом. Для преодоления сложившихся препятствий необходимо лоббирование на национальном уровне.

Степень вовлеченности академического сообщества в международную образовательную и научную деятельность можно охарактеризовать в лучшем случае как умеренную, если не скромную. Инертность и отсутствие у студентов и сотрудников энтузиазма сдерживают движение вперед. Молодые преподаватели более склонны поддерживать международную деятельность, нежели пожилые, т.к. последним не нравятся перемены, которые она влечет. Противники интернационализации считают, что она несет в себе угрозу национальной культуре и безопасности. Многие озабочены проблемой утечки мозгов, особенно в сфере естественных и инженерных наук, потому что многие представители этих дисциплин (как студенты, так и преподаватели) предпочитают учиться или строить академическую карьеру за пределами Украины.

В области приема иностранных студентов удалось добиться определенных успехов, однако большая часть украинских студентов не может себе позволить участвовать в программах мобильности. Таким образом, большинство немобильных студентов могут узнавать о культурном многообразии через взаимодействие с иностранными студентами и преподавателями в родном вузе. А сотрудники, имеющие опыт преподавания и научной деятельности за рубежом, могли бы помочь своим не имеющим международного опыта студентам в решении возникающих проблем.

Озабоченность вызывает ограниченное число исследовательских проектов украинских ученых с иностранными партнерами. Причинами является плохая научная инфраструктура в большинстве вузов; нехватка сотрудников, готовых работать в международных научных командах; незнание международных академических и научных традиций; низкий уровень владения иностранными языками, ведущий к низкому числу публикаций в международных журналах. Те редкие, исключительные случаи, когда международное научное сотрудничество все же ведется, как правило, были инициированы отдельными учеными. Лишь немногим университетам, в первую очередь техническим, удалось разработать схемы по преодолению описанных проблем. Международному научному сотрудничеству нужно уделять приоритетное внимание и вести стратегическую координационную деятельность на национальном уровне.

Международные программы двойных дипломов не стали распространенным явлением. Этому препятствует расплывчатость национального законодательства. Немногие существующие программы двойных дипломов были запущены и финансируются в рамках программы TEMPUS (а с 2014 года — Erasmus+). Нужно разрабатывать механизмы дополнительного финансирования подобных программ.

Проблемы финансирования существуют и на институциональном уровне: в настоящее время государственные вузы работают в условиях сокращенной бюджетной поддержки и растущих текущих издержек. Власти не выделяют целевого финансирования на интернационализацию высшего образования.

Другой недуг, с которым сталкиваются украинские университеты, — всевозможные злоупотребления: протекционизм, списывание, nepотизм и другие порочные практики, включая взятки за поступление, оценки на экзаменах или оценки за выпускные квалификационные работы. Коррупция не обошла стороной и международную деятельность. В ряде случаев возможность участия студентов и преподавателей в международных проектах или программах мобильности превратилась в строгую систему поощрений, которая позволяет «любимчикам» увеличить свой скромный доход, поэтому доступность международных проектов и их качество оказываются под угрозой.

Интернационализация во многом фрагментарна, несистемна и не связана с миссией конкретного вуза, его традициями или текущим контекстом.

Правительства ряда арабских стран перестали признавать украинские дипломы, так как репутация украинских вузов ухудшилась. Многочисленные случаи покупки дипломов иностранными гражданами стали серьезной проблемой для Министерства образования и науки Украины. СМИ постоянно информируют о последних событиях в сфере высшего образования, в том числе относительно качества образовательных программ и коррупции.

Однако в интернационализации украинского высшего образования есть и положительные моменты. В большинстве вузов растет исходящая студенческая мобильность и участие преподавателей в мероприятиях, направленных на повышение уровня интернационализации. Вузы прилагают больше усилий к привлечению иностранных студентов и преподавателей. Существенно растет вовлеченность украинских ученых в международные проекты. Так что, несмотря на все препятствия и текущие социально-экономические реалии, украинские университеты надеются, что их интернационализационные усилия вскоре себя оправдают.

Заключение

Перед украинскими вузами, которые стремятся к интернационализации, стоит ряд проблем. Их деятельность носит ограниченный характер в силу нехватки финансирования и отсутствия у властей стратегического видения. В большинстве случаев интернационализация развивается благодаря отдельным людям, которые уже вовлечены в международную деятельность. В перспективе потребуется консолидированный и инновационный подход к международным образовательным программам.

Интернационализация украинского высшего образования стала возможна благодаря ряду национальных реформ, но ответственность за ее реализацию и качество лежит на вузах. Университеты должны потрудиться для развития интернационализации и для того, чтобы приспособиться к меняющимся реалиям и повысить качество научной и образовательной деятельности.

Бесплатное высшее образование: когда путают равенство и справедливость

Ариана Де Гайардон

Ариана Де Гайардон получила в 2017 году степень PhD Бостонского колледжа, где она работала ассистентом Центра по изучению международного высшего образования. В настоящее время — исследователь в Центре глобального высшего образования Института образования Университетского колледжа Лондона, Великобритания. E-mail: a.gayardon@ucl.ac.uk.

В мире набирает популярность движение за бесплатное высшее образование: в 2013 году начались студенческие протесты в Чили, в 2016 году в ЮАР стартовало движение #FeesMustFall («Долой оплату»), в 2017 году Филиппины приняли решение о том, что все высшее образование в стране будет бесплатным. Похоже, общественность — в частности студенты, участвующие в протестах, и их семьи — считает, что отмена оплаты повысит доступность высшего образования, в особенности для людей с низким социально-экономическим статусом. Однако нет никаких подтверждений тому, что отсутствие платы за высшее образование ведет к повышению его доступности и качества, а также повышает успешность студентов.

Отсутствие равенства в системах с бесплатным высшим образованием

Примерно в 40% стран говорят о том, что у них высшее образование «бесплатное». Однако в реальности за ярлыком «бесплатности» скрываются очень разные подходы, и стран, где высшее образование на самом деле полностью бесплатно для всех поступивших, очень немного. Даже в тех странах, где образование полностью «бесплатно», субсидии получают лишь государственные вузы. В этих странах каждому выпускнику школы гарантировано бесплатное место в государственном вузе. К ним относятся Аргентина, Куба, Норвегия и Финляндия. Другие, например Дания и Швеция, недавно сделали высшее образование платным для студентов-иностранцев.

В некоторых странах повысились номинальные сборы, которые должны покрывать административные издержки, в то время как собственно обучение осталось бесплатным. Так произошло, например, в Ирландии. При этом нынешние сборы превышают размер стоимости обучения десятилетней давности, когда плата за обучение была отменена.

В мире набирает популярность движение за бесплатное высшее образование: в 2013 году начались студенческие протесты в Чили, в 2016 году в ЮАР стартовало движение #FeesMustFall («Долой оплату»), в 2017 году Филиппины приняли решение о том, что все высшее образование в стране будет бесплатным.

Но наиболее распространенный в мире подход к снижению госрасходов на образование — это сокращение бюджетных мест в вузах. Обратить внимание на этот подход важно потому, что он идет вразрез с логикой тех, кто выступает за бесплатное высшее образование, снижает доступность высшего образования и ставит в невыгодное положение представителей неблагополучных слоев населения. Такие страны, как Бразилия и Эквадор, ввели стандартизированный вступительный экзамен, результаты которого принимают все государственные вузы. В других странах (преимущественно на территории бывшего СССР и в Восточной Африке) действует двойная система: правительство финансирует ограниченное число бюджетных мест, а остальные места распределяются платно. По сути, в системах, где бюджетные места распределяются по результатам экзаменов, возникает несправедливость, связанная с преимуществом, которое получают абитуриенты из семей с высоким социально-экономическим статусом.

В целом бесплатное высшее образование является комплексной и многогранной концепцией. То, насколько система высшего образования страны на самом деле бесплатна, зависит от многих факторов, но практически ни одна страна не гарантирует всеобщий доступ к высшему образованию.

Доступность образования и результаты обучения: пример латиноамериканских стран

Чтобы проиллюстрировать связь между доступностью высшего образования и ценовой политикой, в частности политикой бесплатности, мы обратимся

к опыту некоторых латиноамериканских стран. В Аргентине и Бразилии обучение в государственных вузах бесплатное, однако в Аргентине принимают всех, а в Бразилии — только тех, кто сдал единый стандартизированный экзамен. До 2016 года обучение в вузах Чили (и государственных, и частных) стоило очень дорого. Это была одна из самых дорогих в мире систем высшего образования, если учитывать размер ВВП на душу населения. Сравнить эти страны интересно потому, что, несмотря на схожее историческое, географическое и культурное положение, их подходы к финансированию высшего образования кардинальным образом отличаются.

В 2013 году совокупная доля учащихся составляла 84% в Чили, 80% в Аргентине и 46% в Бразилии. Иными словами, Чили опережало Бразилию почти на 40%. Значит, платность обучения не обязательно негативно сказывается на количестве учащихся и высшее образование может быть платным и при этом практически всеобщим.

Но большая доля учащихся еще не говорит о доступности образования. С недавнего времени исследователи, изучающие доступность высшего образования, обязательно учитывают такой фактор, как процент завершивших обучение, то есть, оценивая доступность, нужно также учитывать долю выпускников. В 2015 году этот показатель составлял 60% в Чили, 31% в Аргентине и 51% в Бразилии. Чили снова обогнало соседние страны, причем Аргентину практически в два раза. Значит, опять же, вероятность успешно окончить вуз не обязательно определяется стоимостью обучения и в странах, где образование бесплатно, этот показатель может быть очень и очень низким.

Приведенный пример показывает, что доступность высшего образования и процент выпускников не обязательно зависят от стоимости и что для стран с бесплатным высшим образованием эти вопросы могут быть проблемными, в отличие от стран с платным образованием. Более того, анализ социально-экономических данных по этим трем странам показывает, что в Аргентине и Чили вероятность поступления в вуз и успешного окончания обучения не зависят от экономического положения студента, а в Бразилии — наоборот. Но во всех трех странах люди с разным культурным капиталом имеют неравный доступ к высшему образованию. Это значит, что цена является не единственным и, возможно, даже не главным барьером на пути к высшему образованию и что отмена платы не означает повышения доступности образования, и это сводит на нет основной аргумент сторонников бесплатного образования.

Переход к бесплатному высшему образованию

Прежде чем рассуждать о бесплатном высшем образовании, нужно хорошо представлять себе реалии, к которым приведет этот шаг. Страны, недавно его

сделавшие, столкнулись с очень серьезными проблемами. Правительство Чили не может найти средства для реализации политики полностью бесплатного для всех высшего образования в государственных и частных вузах. Ему пришлось ограничить круг людей, которые имеют право учиться бесплатно, поэтому в 2016 году за счет государства училось всего порядка 18% студентов. Недавно принятый закон о бесплатном образовании на Филиппинах сразу же подвергся критике со стороны тех, кто, собственно, и выступал за бесплатность: в их понимании новый закон только усилит несправедливость. А правительство Эквадора одновременно с отменой платы за обучение ввело вступительные экзамены, и теперь его обвиняют в препятствовании демократизации высшего образования. Но так как вузы пока не могут справиться с повывисившимся спросом, отмена вступительных экзаменов может поставить под угрозу качество высшего образования.

Сделать высшее образование бесплатным непросто, и пример стран, которые это сделали недавно, показывает, что очень скоро их могут настичь проблемы, с которыми сталкиваются Бразилия и Аргентина, где обучение в государственных вузах давно бесплатное. Нужно не только думать о практической реализации такой политики, но и хорошо оценивать ее в долгосрочной перспективе и понимать, что отменить ее, как показывает пример Германии, будет чрезвычайно сложно: в 2014 году, менее чем через десять лет после введения оплаты, правительству под давлением общественности пришлось снова сделать высшее образование бесплатным.

Соответственно, нужно отслеживать ситуацию в странах, которые недавно отменили плату за высшее образование, чтобы понимать, удалось ли им добиться успеха. Пока же имеющиеся данные указывают на обратное.

Заключение

Бесплатная система высшего образования — это непросто. Для политиков переход к бесплатному высшему образованию может казаться простым решением, ведь по сути это всего лишь вопрос бюджетного распределения, но это еще и значимый политический шаг. Однако на деле это не просто очень затратный и запутанный процесс — он еще и не гарантирует, что высшее образование станет более доступным, а процент отсева снизится. Проблема в том, что это не адресное решение, а решение, затрагивающее всех жителей страны вне зависимости от того, нужно им лично бесплатное высшее образование или нет. Хотя отмена платы за обучение — это уравнивающая мера, она может привести и иногда приводит к усилению неравенства.

В мире достаточно примеров стран, где не решена проблема равенства, хотя высшее образование бесплатно, при этом политики многих стран продолжают

выступать за бесплатное высшее образование, считая это чудодейственной социальной политикой. Но каковы шансы того, что эта политика вдруг заработает, если она уже провалилась во многих странах? Может быть, лучше приложить усилия к тому, чтобы попробовать найти объективный способ помочь студентам оплатить образование, вместо того чтобы отменять оплату?

Бесплатное образование для нуждающихся

Алекс Ашер

Алекс Ашер — президент Сообщества по стратегическому планированию в сфере высшего образования, Торонто, Канада. E-mail: ausher@higherstrategy.com.

Традиционно существовало две позиции относительно взимания платы за обучение в государственных вузах. Первая — довольно простая: образование должно быть бесплатным. Студенты не должны платить ни административные сборы, ни каких-либо еще выплат, бесплатное высшее образование — универсальное всеобщее благо для всех... для всех, кому посчастливится поступить (в целом в странах с «бесплатным» высшим образованием студентов меньше, чем в других, потому что денег и на их обучение меньше). Вторая позиция: студенты должны платить за образование, но тем, кому нужна помощь, необходимо предоставлять гранты и кредиты, создавая таким образом положительную ценовую дискриминацию — богатые семьи должны платить больше.

Проблема последнего подхода — в его запутанности. Абитуриенты и их родители видят преysкурант, но не всегда знают о существовании системы субсидий или не понимают, как она работает. Иногда объем доступных субсидий очень велик. В Канаде, например, совокупный объем доступных стипендий и грантов примерно равен тому, сколько местные студенты суммарно отдают за обучение. Тем не менее многие по-прежнему убеждены, что платное образование создает значительный финансовый барьер. Бесплатное образование можно считать расточительством в том смысле, что субсидию получают и те, кто в любом случае смог бы учиться, но объяснить такую систему проще.

Новый подход

Но сейчас, похоже, в Западном полушарии появляется «третий путь»: назовем его «бесплатное образование для нуждающихся». Это понятная концепция бесплатности, но только для тех, чьи доходы находятся

ниже черты бедности. Впервые подобная система появилась в Великобритании в конце 1990-х (в 1998-2005 годах студенты, чьи семьи зарабатывали меньше 20 000 фунтов в год, не платили за обучение, а те, чьи семьи зарабатывали от 20 000 до 30 000 фунтов в год, оплачивали половину стоимости). Теперь этот подход применяется в разных уголках мира — от Фредериктона (канадская провинция Нью-Брансуик) до чилийского Сантьяго.

В Чили этот подход переняли непреднамеренно. Президент Бачелет, которая вступила в должность в 2012 году, обещала бесплатное образование во всех чилийских вузах, но результаты налоговой реформы, которая должна была обеспечить финансирование реализации этого обещания, оказались гораздо хуже ожидаемых (роль сыграло также падение цен на медь). В конце концов у правительства нашлись деньги только на оплату образования студентов шести нижних доходных децилей (примерно треть от общего числа студентов).

Бесплатное образование можно считать расточительством в том смысле, что субсидию получают и те, кто в любом случае смог бы учиться, но объяснить такую систему проще.

В Канаде переход на аналогичную систему был более продуманным. В начале 2016 года правительство провинции Онтарио работало над усовершенствованием системы грантов от федерального правительства (в Канаде финансовая помощь студентам выделяется и на уровне национального правительства, и на уровне региональных властей, которые работают в тандеме) и в итоге решило «перестроить» собственную чрезмерно запутанную систему «прощения» займов и налоговых вычетов и заменить ее «гарантированно бесплатным образованием» для студентов бакалавриата, чьи семьи относятся к лицам с низкими или средними доходами. Не надо думать, что власти запретили вузам взимать плату за обучение — вовсе нет, обучение на большинстве программ стоит около 6500 канадских долларов в год (около 5200 долларов США). Вместо этого правительство провинции пообещало, что каждый студент, чья семья зарабатывает (ориентировочно) менее 50 000 канадских долларов (около 40 200 долларов США) в год, получит грант,

эквивалентный средней стоимости обучения в вузах этого региона. Студенты из более обеспеченных семей тоже получают гранты, но по скользящей шкале: чем выше доход семьи, тем ниже грант. Так, студенты, чей годовой семейный доход достигает 100 000 канадских долларов, получают не более 1800 канадских долларов в виде гранта, а если годовой семейный доход превышает 160 000 канадских долларов, то студент ничего не получает от правительства. Правительство Нью-Брансуика последовало примеру властей Онтарио, и никто уже не удивится, если к концу года власти других провинций тоже примут аналогичные меры.

Инициативы в США

В США аналогичные идеи тоже входят в моду. Во время избирательной кампании 2016 года Хиллари Клинтон предлагала перейти на систему, подобную чилийской, в которой федеральное правительство финансировало бы государственные вузы, готовые не взимать плату за обучение со студентов, чей годовой семейный доход ниже 125 000 долларов США (то есть около 80% всех студентов). Но с точки зрения федеративного устройства это утопия: как верно отмечали многие, непонятно, как федеральные субсидии могли бы гарантировать покрытие определенной стоимости обучения, если она определяется штатами. И хотя предложение Клинтон почilo в бозе, когда 8 ноября 2016 года Пенсильвания проголосовала за Трампа, ее идеи находят понимание в правительствах многих штатов, в частности в Нью-Йорке. Губернатор штата Нью-Йорк Куомо предложил что-то вроде «бесплатного обучения» для студентов Городского университета Нью-Йорка (CUNY) и Университета штата Нью-Йорк (SUNY), чьи семьи зарабатывают менее 125 000 долларов США в год.

Впрочем, идея Куомо отличается от предложения Клинтон и ближе к тому, что делается в Онтарио, а не в Сантьяго. По сути, при Куомо студенты из семей, чей совокупный годовой доход ниже 125 000 долларов, смогут получать такой объем грантов, который необходим для того, чтобы покрыть стоимость обучения. Такая форма оплаты получила название «стипендия Эксельсиор», и ее размер будет равняться стоимости обучения за минусом грантов, которые студент уже получает от федерального правительства или от правительства штата через систему им. Пелла.

Хотя за всеми этими инициативами лежит общая идея, их последствия с точки зрения распределения благ существенно различаются. В Канаде больше всего выиграют студенты, чьи семьи зарабатывают менее 60 000 канадских долларов в год, а семьи, зарабатывающие более 100 000 канадских долларов в год, оказываются в менее выгодном положении из-за того, что средства на новые гранты будут накапливаться путем сокращения налоговых скидок. В Чили тоже выигрывают в первую очередь студенты из малоимущих семей (хотя это и не 100-процентный выигрыш, потому что объем социальных стипендий снизился).

А в Нью-Йорке новая инициатива губернатора затронет главным образом семьи с доходом от 80 000 до 125 000 долларов в год, поскольку студенты из более бедных семей и так уже получают гранты, которые позволяют частично покрыть стоимость обучения. Таким образом, основное финансирование будет направлено на поддержку класса доходополучателей, который, в общем-то, никогда не испытывал больших трудностей с оплатой обучения для своих детей (по крайней мере в государственных вузах).

Стратегические выводы

Главное, что помогает сделать систему бесплатного образования для нуждающихся эффективной и результативной, — установка не слишком высокого порога. С опозданием, но это дошло даже до правительства Чили, которое когда-то мечтало о бесплатном образовании для всех. Из-за бюджетных проблем правительству пришлось ограничить бесплатное образование и сделать его доступным лишь для студентов из шести нижних доходных децилей. Прошедшим летом Министерство финансов Чили опубликовало смету затрат, которые нужны для расширения программы. В нынешней ее форме эта программа обойдется в 607 млрд песо (около 950 млн долларов США). Включение в программу следующих четырех децилей повышает ее стоимость примерно на 350 млрд песо (или 58%) на каждый дециль. Иными словами, бесплатное образование для всех будет стоить более 2 трлн песо, что превышает объем программы в ее нынешней форме более чем в три раза. Эта разница равняется 1,5% ВВП. И ради чего? Сам факт, что стоимость расширения программы так велика, говорит о том, что дети из четырех верхних доходных децилей и так массово получают высшее образование и не нуждаются в помощи правительства.

Коротко говоря, обеспечение бесплатного образования для нуждающихся — это очень разумно, но нужно строго отбирать тех, кто действительно в этом нуждается. Иначе стоимость растет, а эффективность снижается. Очевидно, что планы штата Нью-Йорк носят недостаточно адресный характер. Канадские и — сами того не ведая — чилийские власти сделали правильный выбор. По мере того как другие страны тоже начнут экспериментировать с бесплатным образованием для нуждающихся, необходимо будет внимательно следить за их опытом и извлекать из него уроки на будущее.

Государственные университеты Малайзии и бюджетные сокращения

Дория Абдулла

Дория Абдулла — старший преподаватель Школы профессионального и дополнительного образования (UTMSPACE) Технологического университета Малайзии; член аналитического центра Observatory on Borderless Higher Education (OBHE). E-mail: doria@utmpace.edu.my или Doria.Abdullah@obhe.org.

Малайзия много инвестирует в образование. Самая большая доля образовательного бюджета тратится на сектор высшего образования. Государственные средства распределяются напрямую среди 20 государственных вузов. В 2007 году 90% бюджета этих университетов составляли государственные средства, а остальные 10% вузы зарабатывали за счет взимаемой со студентов платы и других источников дохода. Бюджетные средства также распределялись опосредованным образом: через стипендии, ссуды на обучение и ежегодные пособия на покупку книг, справочной литературы и электронных подписок для отдельных студентов.

В 2007 году правительство Малайзии начало сокращать средства, выделяемые на высшее образование. Сегодня только 70% бюджета вузов формируется из государственных средств, а остальные 30% они покрывают из собственных источников. Сокращения последних двух лет оказались особенно радикальными: в 2017 году государственные университеты получили в общей сложности 6,12 млрд ринггитов (около 1,4 млрд долларов США), что на 19,23% меньше по сравнению с 7,57 млрд ринггитов, выделенными в 2016 году.

Столь масштабные сокращения не нашли понимания в академическом сообществе Малайзии. Множественные призывы к правительству пересмотреть принятые решения исходили не только от ректоров вузов, но и от общественности, озабоченной вопросом поддержания качества высшего образования в условиях ограниченных ресурсов.

Обоснование

Жесткую финансовую политику удобно обосновывать экономической нестабильностью. Колебание цен на нефть и девальвация национальной валюты — ринггита привели к сокращению доходов и налоговых отчислений и, соответственно, к снижению объема государственных средств, выделяемых на образовательный сектор. Стоит отметить, что другие секторы

экономики постигла та же участь: в сфере здравоохранения, например, последние годы тоже ознаменовались сокращением финансирования.

Постепенное сокращение государственной поддержки высшего образования, конечно, неизбежно. В рейтинге национальных систем высшего образования Universitas 21 Малайзия занимает 11-е место из 50 по объемам выделяемых на высшее образование государственных средств. При этом по научной продуктивности, качеству вузов и трудоустраиваемости выпускников она занимает всего 39-е место. То есть результаты получающего такой объем инвестиций сектора высшего образования совсем не оправдывают ожиданий. Правительство обосновывает новую систему распределения средств на высшее образование принципом бюджетирования, ориентированного на результат, и таким образом пытается стимулировать университеты к повышению эффективности.

Факты говорят о том, что система высшего образования в Малайзии значительно расширилась. В 2012 году в стране было 1,2 млн студентов, а к 2025 году их численность, по прогнозам, возрастет до 2,5 млн. С учетом ожидаемого двукратного прироста увеличение государственного финансирования не представляется жизнеспособным решением. Бюджетные сокращения оказались очень своевременными, поэтому государственным университетам придется привыкнуть к новым реалиям.

Приспосабливаясь к новым условиям

До бюджетных сокращений финансовое положение государственных вузов было безбедным, им не было необходимости зарабатывать. Но изменение ситуации потребовало преобразований по всем направлениям их работы. Все началось с краткосрочных мер экономии на административных задачах и сокращении расходов на поездки и организацию мероприятий. Затем экономия коснулась процедур международного рекрутинга сотрудников, программ академической мобильности и развития инфраструктуры. После этого они стали сдавать имущество в аренду и лизинг, оказывать больше консалтинговых услуг и совместно с промышленным сектором работать над коммерциализацией исследований.

Простым решением по выходу из ситуации могло бы стать повышение стоимости обучения. Но министр высшего образования лично заверил сограждан, что стоимость обучения для малайзийцев останется прежней. Университеты ведут переговоры с правительством о пересмотре системы оплаты обучения, для того чтобы в будущем они могли постепенно увеличивать или корректировать стоимость обучения в зависимости от социально-экономического происхождения студентов. Иностранцы платят полную цену, поэтому университеты наращивают усилия по их привлечению.

Вузы пересматривают функционал работающих с выпускниками подразделений и планируют выстраивание системной работы в этом направлении. Поощряется сбор средств от широкой публики в формате эндаументов и вакуфа (в мусульманском праве вакуф — это имущество, переданное на религиозные или благотворительные цели). Университеты открывают частные коммерческие учебные заведения, предлагающие полноценные образовательные программы и профессиональное обучение по рыночным ценам. Все это становится неотъемлемым элементом государственных университетов Малайзии.

Задачи министерства

Министерство высшего образования использует бюджетные сокращения для подталкивания двух направлений трансформаций.

Первая задача связана с трансформацией системы управления университетами. В каждом государственном университете существует совет директоров, который раньше представлял собой символический, как правило бездействующий, орган, а теперь он выполняет задачу ускорения процесса принятия решений. Совет стал также отвечать за ежегодную оценку эффективности вуза. Первыми финансовую автономию получили пять исследовательских университетов: Университет Малайя, Национальный университет Малайзии, Сельскохозяйственный университет Малайзии, Научный университет Малайзии и Технологический университет Малайзии. Это обеспечило их независимость в решении вопросов, связанных с приемом абитуриентов, академическим управлением, кадрами и управлением доходами.

Вторая задача связана с показателями успешности деятельности и функциями, от которых зависит финансовая устойчивость университетов. В договоре с ректором зафиксированы целевые значения по привлечению доходов, от которых зависит будущее финансирование и общая оценка деятельности университета. Появились новые стратегические позиции, в том числе проректор по развитию, который вместе с отделом коммерческого развития занимается поиском финансирования, а также проректоры по связям с бизнесом и с общественностью, которые занимаются привлечением внешних игроков к совместным академическим и исследовательским проектам.

Бюджетные сокращения на высшее образование в Малайзии нельзя считать временным явлением.

Нерешенные проблемы

Государственные университеты накапливают опыт. Членам профессорско-преподавательского и административного состава трудно адаптироваться к изменениям. Изменение образа мышления и поведения займет какое-то время, многие понимают, что нужно работать более эффективно и находить новые источники доходов, но у них пока мало что получается. Возможно, им не хватает базовых предпринимательских компетенций. Факультеты и кафедры стараются избегать рисков и предпочитают действовать в рамках имеющегося опыта, вместо того чтобы искать новые пути.

Обеспокоенность вызывают законодательные изменения, которые не отражают тот факт, что вузы становятся более автономными. Для того чтобы наращивать прибыль, стиль работы университетов должен больше походить на стиль работы коммерческих организаций. Однако деятельность государственных университетов регулируется Законом об университетах и университетских колледжах от 1971 года (с поправками 2009 года), поэтому они по-прежнему связаны традиционными структурами и инвестиционными инструментами. К тому же вузам приходится считаться с бюрократией и получать бесконечные разрешения от Министерства высшего образования, Министерства финансов и Управления экономического планирования, если речь идет о распределении бюджета, закупках или других финансовых вопросах.

Бюджетные сокращения на высшее образование в Малайзии нельзя считать временным явлением. Страна могла бы воспользоваться текущей финансовой ситуацией для реформирования государственных университетов, которые должны привыкнуть жить скромнее и работать более эффективно, увеличивая или, как минимум, не уменьшая текущий объем расходов на преподавание и науку. Кроме того, государственным университетам пришло время разведать терра инкognита транснационального образования и начать развивать сотрудничество с частными и государственными вузами для повышения доступности высшего образования путем использования передовых моделей транснационального образования.

Недофинансирование высшего образования в Австралии: еще один упущенный шанс?

Энтони Уэлч

Энтони Уэлч — профессор наук об образовании Сиднейского университета, Австралия, «хайвай минши» (заслуженный иностранный профессор) Тяньцзиньского университета, Китай. E-mail: Anthony.Welch@sydney.edu.au.

Объявленные недавно федеральным правительством Австралии планы бюджетных реформ добавляют финансовых проблем сектору высшего образования. От самых худших предложений, внесенных предыдущим премьер-министром, правительство уже отказалось, признав таким образом, что они никогда не получили бы поддержку в парламенте. Тем не менее сложно не согласиться с выводом ректора одного крупного австралийского университета, который сказал, что, хотя в этот раз кризиса удалось избежать, новые планы правительства — не что иное, как еще одна упущенная возможность обеспечить адекватное финансирование высшего образования.

За период с 1996 по 2006 год объем государственной поддержки высшего образования Австралии снизился на 4%, в то время как, по данным ОЭСР, ее члены за тот же период увеличили расходы на сектор в среднем на 49%. Университетское сообщество надеялось, что новый премьер-министр, которого считали реформатором и который во время предвыборной кампании многократно подчеркивал необходимость поддержки науки и инноваций, существенно повысит расходы на высшее образование и науку. С учетом двух недавних Нобелевских премий по медицине и признанных на международном уровне достижений Австралии в различных областях, включая солнечную энергию, биотехнологии и квантовые вычисления, было бы логично предположить, что новое правительство отменит введенные ранее бюджетные сокращения, обеспечит достойное финансирование высшего образования и исполнит давние обещания полностью покрыть затраты на научные исследования. Университеты «Группы восьми» (группа ведущих исследовательских вузов страны), которые стабильно выигрывают большую часть научных грантов, давно жалуются на то, что еще ни одно правительство не взяло на себя полные расходы по оплате научных исследований, поэтому научные бюджеты этих вузов испытывают растущий дефицит.

Предполагаемые реформы

Несмотря на разумность ожиданий, сектору высшего образования пришлось пережить разочарование, поскольку предложенные новым правительством меры не просто не решают существующие проблемы, но и усугубляют их. Одна из основных целей реформы заключалась в нахождении нового баланса в соотношении государственного и частного долга в финансировании давно существующей национальной системы займов, в которой выплаты зависят от будущего дохода. Сейчас студент должен оплатить 42% стоимости обучения, но только при соблюдении ряда условий: он должен получить диплом, найти работу и зарабатывать выше определенного порога. Если выпускник отвечает всем этим условиям, он дополнительно платит небольшой подоходный налог до тех пор, пока не выплатит долг за обучение. По предложенным новым правилам в 2018-2021 годах студенты должны будут платить за учебу дополнительно 1,82% в год, в итоге стоимость обучения вырастет на 7,5%. Начиная с 2021 года выпускники должны будут возвращать 46% стоимости обучения, а не 42%.

Пока не ясно, отпугнет ли абитуриентов (в особенности представителей уязвимых групп населения) предлагаемый сдвиг бремени расходов в сторону студентов. Не получится ли так, что предлагаемые реформы снизят привлекательность высшего образования или даже сделают его недоступным для некоторых групп студентов, например для тех, кто хочет учиться на вечерних программах? По расчетам идейных вдохновителей реформы, новая схема финансирования не приведет к значительному увеличению студенческих долгов, а длительность выплаты выпускниками долга за обучение увеличится всего лишь примерно на год. Но порог годового дохода, начиная с которого будет необходимо выплачивать долг за обучение, был существенно снижен: с 55 000 австралийских долларов до 42 000, хотя снижение ставки по инкассированию долгов с 4% до 1% означает, что для большинства студентов последствия реформ окажутся достаточно скромными.

Пока не ясно, отпугнет ли абитуриентов (в особенности представителей уязвимых групп населения) предлагаемый сдвиг бремени расходов в сторону студентов.

Помимо изменений в системе кредитования студентов основной удар для университетов заключается в предполагаемом прямом сокращении ежегодного финансирования почти на 400 млн австралийских долларов (и на 384,2 млн в год через два года) в форме «дивиденда на эффективность» от Грантовой программы Австралийского Союза. Эта так называемая «мера по повышению эффективности» — не более чем удобный эвфемизм для снижения финансирования, и она только подчеркивает затянувшуюся неготовность правительства полностью взять за себя расходы на науку. Если эти планы будут реализованы, это будет означать, что в 2018 году государственное финансирование высшего образования сократится на 2,5% и еще на столько же в 2019 году, а в общей сложности в течение пяти лет по окончании 2016-2017 учебного года сектор высшего образования потеряет почти 2 млрд австралийских долларов. С учетом изменений в системе индексирования грантов для вузов очевидно, что правительство намерено снизить расходы в расчете на одного студента, и вузам придется делать больше за меньшие деньги. Естественно, это не решит проблему финансирования, но ухудшит условия вузов, положение которых и так давно ослабло.

Отвергнутые реформы

Последний план реформ не включил в себя худшие элементы более ранних предложений о дерегулировании бюджета на высшее образование в 2014-2015 году. Прежний, отброшенный план предполагал снижение финансирования сектора на 20% и введение реальной процентной ставки на студенческий долг (в настоящее время процентная ставка привязана только к индексу инфляции). Еще предполагалось, что университеты смогут произвольно устанавливать стоимость обучения для программ, пользующихся наибольшим спросом. Возможно, ректоры некоторых вузов (в первую очередь богатых), которые поддерживали этот гибкий подход к определению цены за обучение, втайне расстроились. Но большая часть вузовского сообщества вздохнула с облегчением, когда стало известно, что правительство отказалось от обсуждавшихся ранее мер, которые бы серьезно подорвали национальную науку и систему высшего образования. Даже с учетом того, что правительство отсеклось от этих идей только из-за последовательного отказа парламентариев их поддержать, главное то, что в итоге удалось предотвратить масштабный потенциальный кризис финансирования высшего образования.

Обратная сторона успеха

Хотя худшие из возможных последствий первоначально обсуждавшихся реформ удалось предотвратить, новые бюджетные меры опять не решают проблему недостаточного финансирования. А проблема заключается в том, что австралийские вузы стали слишком успешными и теперь несут наказание за свой успех. Став ведущим источником экспорт-

ной выручки (а вузы зарабатывают в совокупности 20 млрд австралийских долларов в год за счет платы, взимаемой с иностранных студентов), они стали в глазах правительства дойной коровой, которую можно бесконтрольно эксплуатировать. Чем дальше правительство будет вводить «меры по повышению эффективности» и отказываться брать на себя затраты на науку, тем в большей степени вузам придется заниматься привлечением международных студентов, чтобы скомпенсировать сокращение государственного финансирования. Ректор одного вуза высказал озабоченность тем, что иностранные студенты тогда могут вытеснить местных. Раньше этот аргумент в стране никогда не звучал. Но сейчас, когда каждый четвертый (а в ряде вузов — и каждый третий) студент — иностранец (что больше, чем в любой другой стране мира), он может получить народную поддержку. Хотя реализации худших элементов первоначальных реформ удалось избежать, объявленные недавно «меры по повышению эффективности» предполагают сдвиг финансового бремени с государства на самих студентов. При этом предложенные изменения распределения грантов не помогают в решении финансовых проблем, а, наоборот, только усугубляют нехватку средств для адекватного финансирования высшего образования.

Буря в стакане воды: африканский взгляд на рейтинги

Дэмтью Теффера

Дэмтью Теффера — профессор высшего образования, руководитель программы развития высшего образования, директор-основатель Африканской международной сети высшего образования, профессор Университета Квазулу-Натал, г. Дурбан, ЮАР. E-mail: teferra@ukzn.ac.za, teferra@bc.edu.

Снова наступил сезон, когда составители рейтингов публикуют свои «изыскания», касающиеся сравнительных достоинств мировых университетов. «Элитные» университеты по-прежнему во главе, а остальные, в частности африканские, в низшей лиге. Составители рейтингов занимаются своим обычным делом, некоторые действуют довольно дерзко, чаще всего не слишком заботясь о достоверности, точности или объективности методологии, и, что особенно верно для Африки, продолжают работу несмотря на нехватку данных.

Факты против суждений

По оценкам Министерства высшего образования ЮАР, на протяжении последних трех лет Университет Квазулу-Натал опережал остальные вузы страны по академической продуктивности. Министерство ранжирует вузы, используя параметры, которые дают исчерпывающую оценку научной и академической продуктивности. Но, по последней версии рейтинга QS, где академическая репутация вуза определяет 60% его итоговой оценки, Университет Квазулу-Натал уступает шести другим вузам страны. Бросаются в глаза различия между фактами и сомнительными оценками, основанными на репутации.

Как строится репутация: разберемся в цифрах

Рейтинг QS — это комбинация результатов опросов и оценок вузов по шести показателям. Все они смешиваются и получают удельные веса, из которых складывается итоговая оценка. Составители утверждают, что в рейтинге, в который входит 950 вузов, они учитывают 99 млн цитат из 10,3 млн статей и что в проводимых ими опросах участвует более 70 тысяч представителей академического сообщества и 30 тысяч работодателей.

Составители рейтинга Times Higher Education (THE) заявляют, что их методология опирается на уникальные исследования, в основе которых — «опрос более 10 500 ученых из 137 стран о том, какие университеты являются лучшими с точки зрения преподавания и науки». Составители THE также пишут, что в оцениваемом академическую репутацию опросе они «ориентируются на данные ООН для обеспечения максимальной репрезентативности выборки опрошенных ученых». Они также подчеркивают, что, если респондентов из одной страны слишком мало или слишком много, при расчете учитываются взвешенные результаты, что позволяет «максимально точно отразить подлинное географическое распределение ученых в мире». Таким образом, изменяемые параметры рейтингов вызывают еще больше сомнений.

Очевидно, что понятия «мир учености» и «географическое распределение ученых» в условиях отсутствия четкого определения просто смешиваются. Например, больше всего «ученых» в Китае, Индии и Бразилии, так что в этом смысле у них больше всего «учености», но эти страны едва ли заметны в верхних строчках рейтингов.

По данным THE, в общем числе респондентов африканцы составляют всего 2% и они, предположительно, живут в Африке. Примерно 50% всех проводимых на континенте научных исследований приходится на ЮАР, так что можно предположить, что доля респондентов из других африканских стран от общего числа опрошенных ученых сводится к 1%. Получается, что в репутационном опросе, «в котором равномерно представлены все академические дисциплины», участвует около 100 ученых из Африки, не считая ЮАР.

Таким образом, на каждую из 11 дисциплин, учитываемых составителями этого рейтинга, приходится примерно по 10 респондентов из Африки. Аналогичная проблема наблюдается в случае с Латинской Америкой и Ближним Востоком: респонденты из этих регионов составляют соответственно всего 5% и 3% от общего числа.

Индикаторы

Рейтинги действительно в основном построены на репутации. В QS репутация на 40% оценивается по результатам опроса ученых и на 20% — работодателей. Если вузу удастся получить высокие баллы по этим индикаторам, он может подняться в рейтинге. А репутационный индекс ТНЕ полностью основывается на результатах опроса, где респондентов просят «называть не более 15 университетов, которые являются лучшими».

Можно назвать множество причин, по которым миру, а особенно Африке, вообще не следовало бы обращать внимание на эти рейтинги. Посмотрим, к примеру, на рейтинг QS, который уделяет большое внимание такому показателю, как соотношение количества преподавателей и студентов. Во всех без исключения африканских странах, равно как и в других регионах мира, наблюдается стремительное расширение системы высшего образования. В связи с этим на одного преподавателя теперь приходится очень много студентов, и иногда вузы, для которых важны рейтинги, встают перед трудным выбором: приостановить прием студентов или нанять новых сотрудников. Увеличение штата требует больших вложений, изобретательности и готовности взять на себя долговременные обязательства, что под силу далеко не всем вузам.

Рейтинги также учитывают такие параметры, как доля международных преподавателей и доля международных студентов. Среди стран Африки, находящихся к югу от Сахары, только ЮАР, Ботсвана и в некоторой степени Намибия привлекательны для международных преподавателей, причем преимущественно из других стран континента. Для остальных это недостижимая мечта. То же самое верно и по отношению ко многим другим развивающимся государствам.

Аналогичная ситуация и с другим критерием, используемым составителями QS и других рейтингов, а именно долей иностранных студентов. Стран, привлекательных для иностранных студентов, в Африке очень мало: к ним относятся ЮАР, Гана, Кения и Уганда. Подавляющее большинство иностранцев, которые туда приезжают, — граждане других африканских государств, единственное исключение составляет ЮАР. Даже если кто-то и приезжает из-за пределов континента, то максимум на один-два семестра. Акцент на репутационные критерии никак не влияет на положение вузов, которые и без того занимают верхние строчки в рейтингах. Такие вузы, как правило, застрахованы от забастовок, финансовых трудностей,

междоусобной борьбы и других опасных проблем, с которыми сталкиваются вузы развивающихся стран.

Как манипулируют рейтингами

Некоторые предприимчивые субъекты, называющие себя специалистами по анализу данных, предлагают африканским вузам свою «помощь» по улучшению их показателей в рейтингах. Похоже, что один крупный восточноафриканский вуз пошел именно таким путем, за что, по имеющейся информации, ему пришлось заплатить немаленькое вознаграждение. Составители рейтингов также предлагают вузам свои информационно-консультационные услуги под флагом помощи в разработке «бренда» — за деньги, конечно. Вот и еще один поворот в этой и без того проблемной истории с рейтингами — появление конфликта интересов.

Агрессивное продвижение услуг этими притворщиками, происходящее на крупных мероприятиях, где встречаются представители высшего руководства вузов, — это не что иное, как «разводилово». Вузы должны разумно использовать имеющиеся у них ресурсы, вместо того чтобы прибегать к ухищрениям для улучшения положения в рейтингах.

В поисках качества

Мировой рынок высшего образования стремительно растет как за счет новых игроков, так и за счет старых, среди которых встречаются как добросовестные, так и нет. Одновременно с этим происходит масштабная диверсификация образовательных программ, способов и методов их реализации. В связи с этим растет потребность в достоверных и авторитетных системах контроля качества.

На национальном и региональном уровне появляются новые подходы к контролю качества образования. Например, более чем в половине африканских стран качество высшего образования с переменным успехом регулируется национальными властями. По мере дальнейшей диверсификации сектора растет потребность в создании глобальных агентств по контролю качества. По идее, именно рейтинги должны были бы взять на себя эту роль на глобальном уровне, но пока они не оправдали возложенных на них ожиданий.

Больше года назад мне позвонил ректор одного южноафриканского университета, который предложил скоординировать массовый отказ вузов страны от участия в международных рейтингах и направить ресурсы, энергию и время на решение более актуальных задач. Университет Родса, один из лучших в ЮАР, уже отказался от участия в рейтингах, так что прецедент создан.

В мае 2017 года в Ванкувере при поддержке Института перспективных исследований им. Питера Уолла (Университет Британской Колумбии) состоялся международный круглый стол, посвященный рейтингам. Его участники обсуждали задачи и роль университетских рейтингов и разработали план действий и проектов на будущее.

Некоторые предприимчивые субъекты, называющие себя специалистами по анализу данных, предлагают африканским вузам свою «помощь» по улучшению их показателей в рейтингах.

Заключение

Как говорят авторы ТНЕ, «основой репутационного рейтинга являются исключительно субъективные суждения». 60% итоговой оценки каждого вуза в рейтинге QS тоже зависит от его репутации и, соответственно, носит субъективный характер. Но наиболее гнетущие ощущения вызывает та серьезность, с которой представители профессионального сообщества (и не только) воспринимают деятельность корыстных рейтинговых агентств, которые из года в год пользуются одинаково ущербными и дискредитированными инструментами.

Рейтинги вряд ли уйдут в небытие в ближайшее время. Более того, чем больше их появляется, тем выше вероятность того, что они продолжат производить ту шумиху, которая обеспечивает их выживание и влияние. С другой стороны, можно предположить, что чем больше рейтингов будет появляться, тем скорее они потеряют свой авторитет, потому что вузы предпочитают рейтинги, которые показывают их в наилучшем свете. В конечном счете вузы — лидеры рейтингов и вузы, занимающие нижние строчки, продолжают со стороны следить за этой бурей в стакане воды.

.....

«Потерянная научная миссия» в африканских университетах

Харрис Андо

Харрис Андо — эксперт по научной политике Центра аналитических и научно-технических исследований (CREST) Стелленбосского университета, ЮАР. E-mail: andoharris@gmail.com.

Когда в Африке открывались первые университеты, у них была тройная миссия: обучение, наука, служение обществу. Но в период с начала 1970-х до 2000 года

обучение стало де-факто единственной миссией большинства африканских вузов. Впрочем, их руководство, зачастую заблуждаясь, считает, что они всегда были исследовательскими университетами. На самом же деле научной миссии африканских университетов стали уделять внимание лишь в последние десять лет. В этой статье описан сорокалетний период «потерянной научной миссии», который пережили африканские вузы и который стал причиной их низкой исследовательской продуктивности и причиной отставания от вузов Европы, США и некоторых азиатских стран. Выводы статьи говорят о том, что одним из основных принципов, которые университеты в Африке должны применить для повышения исследовательской продуктивности, является прозрачность научной работы.

Исторические предпосылки исследовательской миссии африканских университетов

Британским правительством были сформированы несколько комиссий, которые должны были оценить потребность в высшем образовании в британских африканских колониях. Среди восьми известных комиссий и советов, созданных в колониальный период (от Комиссии Мэддена 1841 года до Комиссии Асквита 1945 года), стоит выделить Комиссию Чэннона (1943 год), которая впервые заговорила о том, что будущие университеты колонизированных территорий обязательно должны вести научную деятельность. Таким образом, наука стала одной из миссий африканских университетов, открытых впоследствии колониальными и национальными властями.

С момента основания университетов в британских африканских колониях в 1940-х годах было проведено несколько конференций, посвященных самой идее африканского университета и его миссии. В этих встречах участвовали представители разных африканских стран, которые оценивали роль и актуальность университетов в различные периоды истории континента. В XX веке состоялись четыре основные конференции (в Аддис-Абебе в 1961 году, в Тананариве (нынешний Антананариву) в 1962 году, в Аккре в 1972 году, в Тананариве в 1980 году), но лишь на конференции 1962 года всерьез говорилось о том, что африканские университеты должны заниматься наукой.

Годы спустя в большинстве стран, где были созданы национальные университеты, произошли правительственные перевороты. Военные правительства стали вмешиваться в работу университетов, начались политические назначения, иногда руководители вузов даже получали прямые указания о том, как управлять университетами. И хотя сами вузы хотели заниматься наукой, им не хватало финансирования, инфраструктуры и кадров.

Когда «потерялась» научная миссия африканских университетов

При создании африканских университетов в постколониальный период предполагалось, что они знают, что такое наука, и что они должны будут делиться результатами своих изысканий с обществом и правительством, чтобы помочь решить насущные социально-экономические проблемы. Но в первые годы независимости власти часто вмешивались в управление университетами, причем они не стимулировали решение исследовательских задач, а просто навязывали свои представления о том, как управлять университетами. Именно тогда и «потерялась» научная миссия: многие вузы и правительства не видели необходимости в исследованиях, что привело к чрезвычайно низкой научной продуктивности. Аспирантуры практически нигде не было. Университеты занимались поставленной перед ними задачей подготовки кадров для национальной экономики. В 1960-2000 годах — период «потерянной научной миссии» — африканские университеты назывались «образовательными», «профессиональными», «развивающими», но ни в коем случае не «исследовательскими».

Это подтверждается низкой научной продуктивностью африканских вузов в указанный период. По данным индекса цитирования Web of Science, за 1985-2000 годы вузы Африки (за исключением ЮАР) выпустили 1646 публикаций в сфере естественных наук, а за 2000-2015 годы — 5534 публикации. Это во много раз ниже мировых показателей за тот же период, которые составляют 44 963 737 публикаций (написанных преимущественно учеными из Европы и США). Более того, в период «потерянной научной миссии» валовые внутренние расходы на НИОКР в Африке (без учета ЮАР) составляли в среднем 0,2% ВВП, а в большинстве стран расходов на НИОКР вообще не было.

В то время правительства африканских стран ставили перед своими университетами задачу подготовки квалифицированных кадров, включая помощников врачей, секретарей, инженеров и инженерно-технический персонал. Исследователи, которые работали в университетах, занимались наукой главным образом потому, что это помогало получить повышение, но в то время нужно было иметь меньше публикаций, чем сейчас, чтобы продвинуться по карьерной лестнице. Университеты практически не обнародовали результаты своих исследований, более того, зачастую они были засекречены. Есть даже анекдотические свидетельства о том, что университеты подвергались давлению со стороны своих диктаторских правительств, потому что власти не хотели, чтобы вузы публиковали что-то противоречащее официальной точке зрения. Из-за подобных тенденций университеты вынуждены были ради собственного выживания сосредоточиться на обучении.

Восстановление научной миссии

После 2000 года политика африканских университетов изменилась, и эти изменения отразились в том числе на их миссии. Распространение рейтингов, интернационализация, массовизация — все это заставило руководителей вузов и стран пересмотреть свое отношение к научной миссии. К примеру, в новой миссии Университета Ганы (принятой в 2012 году) записано, что «он должен стремиться приблизиться к университетам с мировым именем, которые добились своего статуса благодаря передовой исследовательской работе».

Начиная с 2004 года университеты больше вкладываются в сотрудников, которые занимаются наукой и публикуются в международных журналах. Наладилось послевузовское профессиональное образование, в частности на уровне магистратуры и аспирантуры, потому что университеты стали нанимать новых профессоров, которые могут руководить студентами, и открывать лаборатории.

Для повышения научной продуктивности во многих университетах были созданы управления по науке и развитию и школы/факультеты последипломного образования. Управления по науке и развитию — новая вещь для большинства вузов, пока они существуют преимущественно в передовых университетах, таких как Университет Ганы или Ибаданский университет (Нигерия). Предполагается, что они придадут научной деятельности вузов целенаправленность, помогут повысить качество исследований и привлечь финансирование. Другая задача этих подразделений — налаживание отношений с западными исследовательскими вузами и донорами.

Взяв на себя эту новую миссию, африканские университеты занялись разработкой стратегий, которые помогли бы им успешно пройти процесс повышения качества научной работы. Помимо этого, университеты разрабатывают для сотрудников правила исследовательской этики и общие принципы исследовательской работы.

Поскольку многим африканским странам пришлось пройти период военной диктатуры, с точки зрения научной работы их вузы отстают примерно на четыре десятилетия.

Заключение

Поскольку многим африканским странам пришлось пройти период военной диктатуры, с точки зрения научной работы их вузы отстают примерно на четыре десятилетия, в то время как университетам Европы, США и отчасти Азии удалось добиться больших успехов в этой области. По этой причине большинство африканских вузов занимают низкие места в международных рейтингах. Чтобы стать исследовательскими университетами, им необходимо преодолеть большие трудности, включая недостаточное финансирование, низкий уровень подготовки сотрудников, отсутствие структур, обеспечивающих качество и прозрачность научной работы.

Помимо этого, чтобы выполнять новую миссию, африканские вузы должны определиться с тем, какой университет они будут считать исследовательским и какому типу исследований (прикладным или фундаментальным) отдавать предпочтение. А результаты исследовательской работы должны быть полезны правительству и обществу и помогать развитию информационной экономики.

Можно ли создать университеты мирового класса в Индии?

Филип Дж. Альтбах, Джамиль Салми

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Джамиль Салми — бывший координатор программ по поддержке высшего образования Всемирного банка, международный эксперт в области высшего образования. E-mail: jsalimi@tertiaryeducation.org.

Предыдущий президент Индии Пранаб Мукерджи (ушел со своего поста в июле 2017 года. — *Ред.*) недавно заявлял, что «если в ближайшие 4-5 лет мы обеспечим 10-15 ведущим вузам должное финансирование, то вскоре после этого они определенно взлетят в первую сотню международных рейтингов». А в конце 2016 года Министерство трудовых ресурсов выпустило первый вариант планов и правил по созданию 20 университетов мирового класса — 10 государственных и 10 частных. К сожалению, достичь этой достойной цели в кратко- или даже в среднесрочной перспективе будет непросто, если вообще возможно. Почему?

Ситуация с высшим образованием в Индии

Высшее образование и наука Индии на протяжении десятилетий страдали от недофинансирования, особенно с учетом стремительного роста количества студентов. Среди стран БРИК Индия уступает только Бразилии по доле ВВП (4,1%), расходуемой на образование. Но по расходам на науку Индия занимает последнее место: на нее тратится всего 0,8% ВВП. Доля продолжающих обучение после школы в соответствующей возрастной группе в Индии самая низкая по сравнению с остальными членами БРИК. По размеру системы высшего образования Индия сейчас занимает второе место в мире после Китая и при этом продолжает испытывать огромное давление, связанное с необходимостью соответствовать высоким запросам общества и правительства.

Система высшего образования Индии плохо подготовлена к появлению университетов мирового класса. Ни в одном из штатов правительство не имеет плана по развитию таких университетов на региональном уровне и не выделяет достаточно средств для поддержания высоких стандартов качества в сфере высшего образования. Центральные университеты финансируются лучше и, в отличие от университетов штатов, не обязаны руководить колледжами. А в подчинении университетов штатов находится в общем около 36 000 колледжей.

Раньше, когда Индия хотела создавать инновационные вузы, открывались совершенно новые учебные заведения, например сеть Индийских технологических институтов, сеть Индийских институтов управления, Институт фундаментальных исследований Тата и другие. Планирующие органы не хотели разбираться с казавшимися непреодолимыми управленческими проблемами в уже существовавших вузах. Согласно индийским требованиям, вузы, которые претендуют на звание университетов мирового класса, должны иметь примерно по 20 000 студентов. Однако несмотря на то, что, по данным, в большинстве университетов мирового класса действительно учится примерно столько студентов, это верно далеко не для всех из них, так что если требование к количеству студентов будет соблюдено, то Индийские технологические институты не смогут участвовать в гонке, а это единственный тип вузов, система управления и внутренняя атмосфера которых благоволят быстрым изменениям.

Создание университетов мирового класса требует глубокого осмысления, тщательного планирования и значимых долгосрочных капиталовложений. А если цель состоит в получении признания в международных рейтингах, проблем оказывается еще больше, потому что рейтинги подвижны, а конкуренция очень сильная. Правительство России, к примеру, спонсирует программу, направленную на вхождение пяти российских вузов в топ-100 к 2020 году. Ежегодно на поддержку 15 лучших университетов страны

выделяется более 400 млн долларов США. Япония недавно запустила проект «Ведущие глобальные университеты». Китай много вкладывает в свои главные университеты, двум из которых недавно впервые удалось войти в первую сотню Шанхайского рейтинга. Индия опоздала на этот праздник жизни и явно не сможет тратить столько, чтобы суметь достичь какого-то существенного прогресса. Индия планирует потратить в течение года около 5 млрд рупий (около 75 млн долларов США), то есть примерно по 50 млн рупий (около 1 млн долларов США) в год в расчете на один вуз, при условии, что средства будут распределяться равномерно. Это совершенно недостаточно для того, чтобы хоть как-то заметно изменить картину.

Ни в одном из индийских штатов правительство не имеет плана по развитию университетов мирового класса на региональном уровне и не выделяет достаточно средств для поддержания высоких стандартов качества в сфере высшего образования.

Для того чтобы построить университет мирового класса

В книге *The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities* (World Bank, 2011) проанализирован опыт десяти новых университетов, которые добились больших успехов. Мы выявили характеристики, которые их объединяют. Далее перечислены необходимые, но недостаточные условия для создания исследовательских университетов высшего уровня.

К ключевым ингредиентам, необходимым для создания новых исследовательских университетов, относятся: адекватные финансовые ресурсы для хорошего старта и поддержания высоких стандартов качества; сбалансированная модель управления, в которой преподаватели и исследователи играют важную роль, но не обладают полным контролем; сильное руководство, то есть не только дальновидный ректор, но и высокопрофессиональные административные сотрудники, которые могут претворить миссию университета в жизнь; свобода от вмешательства со стороны прави-

ТЕЛЬСТВЕННЫХ органов и частных организаций и одновременно с этим — должный уровень прозрачности и подотчетность внешним агентствам; академическая свобода в преподавании, исследованиях и публикационной деятельности; первоклассные сотрудники, преданные миссии вуза (в том числе обучающей), получающие достойную зарплату и имеющие возможность построить карьеру; хорошо подготовленные и мотивированные студенты; преданность принципам меритократии на всех уровнях.

В книге мы также выделили ряд «подстегивающих факторов», которые могут сыграть пассивную роль в гонке за совершенством. Первый фактор — опора на диаспору при создании новых вузов или модернизации уже существующих. Как показывает опыт Пхоханского университета науки и технологий (POSTEC) в Южной Корее и опыт Гонконгского университета науки и технологий (HKUST), привлечение большого числа соотечественников из-за рубежа обратно на родину способствует быстрому и эффективному наращиванию академического потенциала.

Второй фактор — введение существенных педагогических и образовательных инноваций. HKUST, к примеру, стал первым в Гонконге вузом, работающим по американской модели, в отличие от всех остальных университетов, следующих британской модели. А Высшая школа экономики в Москве стала одним из первых российских вузов, который создал удобную в использовании электронную библиотеку и внедрил науку в учебный план. Подобные инновации, доступные новичкам, играют огромную роль для молодых вузов, которые должны перетянуть к себе абитуриентов от традиционных университетов и заставить их рискнуть и вкушать «неизведанный плод».

Третий фактор — использование сопоставительного анализа в качестве методологии выбора ориентиров в развитии вуза. Шанхайский университет Цзяотун, к примеру, привязал свое стратегическое планирование к ведущим китайским университетам, а затем также стал сравнивать себя с иностранными вузами аналогичного размера и уровня.

Еще один способ быстрее нарастить критическую массу первоклассных исследователей — это выбрать определенную нишу. Это доказывает опыт POSTEC и HKUST в Азии и ВШЭ в России. При создании университета мирового класса нередко особый акцент делается на естественных науках и технологиях. Это, безусловно, важные области, развитие которых приносит дивиденды в виде рейтингов, потому что в них публикуется много научных статей. Однако роль социальных и гуманитарных наук тоже растет, и рейтинги учитывают цитируемость публикаций по этим направлениям. В современном мире, для того чтобы решить основные проблемы планеты (климатические, энергетические, проблемы питания и здравоохранения и т.д.), нужно заниматься всеми областями знания.

Индийские реалии

Индия не может похвастаться тем, что когда-либо дала вузам существенную свободу от государственных и политических вмешательств по таким вопросам, как наем ректоров и других членов высшего руководства вузов. Многие наблюдатели говорят о политизированности различных аспектов высшего образования и указывают на то, что в соответствии с разработанным правительством планом по созданию университетов мирового класса кардинальной реформы в системе управления вузами не предвидится. Действующая в Индии «система резервирования», благодаря которой до половины студенческих мест и преподавательских позиций закрепляется за представителями неблагополучных групп населения, может хорошо работать и приносить положительные результаты в вузах, основная задача которых — обучение, но неэффективна, если речь идет о создании университетов мирового класса, которые должны привлекать лучших абитуриентов и ученых. Однако работа вузов, согласно правительственному плану, основана именно на этом подходе.

Индия обладает рядом преимуществ. Благодаря тому, что языком преподавания и науки в большинстве вузов является английский, с языковой точки зрения страна уже в мировом мейнстриме. К тому же Индия не испытывает нехватку высококвалифицированных и талантливых ученых ни среди тех, кто работает внутри страны, ни за ее пределами. Тщательно продуманный план академического развития мог бы привлечь представителей диаспоры на родину, но только если удастся предоставить необходимые академические условия, если будет введена более гибкая система управления университетами, а зарплаты будут соответствовать международному уровню.

События прошлого и текущие реалии подсказывают, что в Индии дорога к созданию университетов мирового класса может оказаться чрезвычайно трудной. Тем не менее эта страна могла бы построить несколько таких университетов при условии поддержки со стороны президента, продуманном планировании и очень творческом подходе. Впрочем, с учетом текущего объема финансирования и предложенных правительством планов в ближайшее время вряд ли удастся добиться больших успехов.

Пакистан: время сфокусироваться на качестве, а не количестве исследователей

Мухаммад З. Ахмед

Мухаммад З. Ахмед работает в Центре тропических исследований Университета Флориды (Хоумстед, США). E-mail: zaheerento@gmail.com.

Хотя в последнее время с финансовыми проблемами столкнулись многие страны Азии, в Пакистане экономическая ситуация ухудшилась особенно сильно из-за значительного влияния таких факторов, как участвовавшие теракты, повальная коррупция, нехватка сотрудников в органах охраны правопорядка, ограничение частных инвестиций и иностранной помощи, политическая нестабильность, дефицит электроэнергии и постоянные боевые действия. Начиная с 2000 года валовой внутренний продукт рос в среднем на 4% в год, что было значительно ниже, чем темп роста населения. Тем не менее, несмотря на относительно низкую скорость развития страны и объем выделяемого на науку финансирования, численность получивших степень PhD выпускников в этот период удивительным образом увеличилась.

Действительно ли пакистанская наука идет вперед?

Чтобы оценить развитие научного сектора в Пакистане, я воспользовался базой Web of Science, которая предоставляет количественные данные, и соотнос количество научных статей, опубликованных пакистанскими авторами за последние пятнадцать лет, и количество людей, получивших степень PhD в тот же период. За 1985-2015 годы количество статей, выпущенных сотрудниками пакистанских исследовательских организаций, возросло на 687%, при этом количество выданных степеней PhD увеличилось с 1947 по 2014 год на 248%. Уровень цитируемости статей из Пакистана возрос за последние 30 лет на 419%. Качество статьи обычно определяется импакт-фактором журнала, в котором она напечатана, а Science и Nature относятся к числу наиболее влиятельных научных журналов и обладают очень высоким импакт-фактором. К сожалению, большинство статей ученых из Пакистана публикуется в низкокачественных журналах с низким импакт-фактором. В 2000-2015 годах пакистанским ученым удалось опубликовать всего 9 статей в Science и 11 в Nature. Но даже эти показатели отражают прирост в количестве журнальных публикаций

в сравнении с периодом 1985-1999 годов (статей в Science стало на 350% больше, а в Nature – на 267%). В целом за рассматриваемый 30-летний период количество статей, выпущенных пакистанскими учеными, увеличилось на 687%.

Интересно оценить также сравнительные данные о публикационной активности в пересчете на вузы. Так, в Пакистане в расчете на один вуз приходится 0,13 статьи в Science и 0,23 в Nature, в то время как в Индии эти показатели составляют 0,18 и 0,48, а в США — 4,2 и 5,6 соответственно. Понимая свое отставание, Пакистан пытается увеличить количество местных журналов с импакт-фактором: если в 1999 году их было 2, то сейчас — 11 (максимальный импакт-фактор составляет единицу). И хотя журналов стало больше, их качество по-прежнему остается низким.

Я предлагаю пакистанским исследователям, научным организациям и руководителям вузов три идеи, которые могли бы способствовать повышению научных стандартов в стране.

Срочно побороть коррупционную культуру образования

Основная причина низкого качества исследований в Пакистане — плагиат. Авторы читают легкодоступные исследования и заимствуют чужие идеи, умело переписывая мысли других авторов, для того чтобы скрыть следы плагиата. Пакистанские студенты обучаются мастерству публиковать свои работы в легкодоступных журналах, а затем манипулируют их цитируемостью. Встает вопрос о том, стоит ли в этом винить самих студентов? Ответственность за процветание плагиата несут пакистанская академическая среда, которая сформировалась под влиянием не умеющих руководить студентами некомпетентных преподавателей, а также сложившаяся в Пакистане академическая культура, которая не одобряет независимое мышление и вынуждает студентов слепо подчиняться своим руководителям. Преподаватели требуют, чтобы студенты писали для них статьи, а студенты идут на подтасовки, и в результате опубликовать работу в высококачественном журнале становится невероятно сложно. Если уж пакистанские авторы тратят столько времени на переписывание чужих идей и достаточно хитры, чтобы воспользовавшись связями, протащить свои работы через трудный процесс рецензирования, почему же они не хотят потратить свое время и усилия на работу в правильном направлении? К списыванию студентов приводит то, что преподаватели не учат их азам исследовательской этики.

Кроме того, в Пакистане широко распространено кумовство и подковерные политические игры. Близкое знакомство с научным руководителем и членами экзаменационной комиссии является гарантией получения диплома. Пакистану необходимо выстроить инфраструктуру, которая позволяла бы эффективно бороться с плагиатом, протекционизмом и полити-

ческими играми в науке. Нужно проводить семинары и тренинги по этике для информирования людей об опасности плагиата, а студентам бакалавриата и магистратуры нужно предлагать хотя бы один обязательный курс по академической этике.

Недавно Комиссия по высшему образованию Пакистана в связи с обвинениями в плагиате внесла 23 автора в черный список. Однако никаких адекватных мер против них принято не было: все они продолжают работать в своих университетах. Среди них есть достаточно известный исследователь, который работал постдоком в Великобритании, а сейчас является профессором и возглавляет один из пакистанских исследовательских центров. Поскольку коррупция является частью академической культуры в Пакистане, составление черных списков никак не влияет ни на репутацию, ни на карьеру тех, кто в них попал. Часть бюджета, выделяемого на поддержку науки, стоит направить на борьбу с плагиатом, как это устроено, например, в Национальном научном фонде США. Необходимо срочно создать соответствующую инфраструктуру и собрать команду экспертов, которые бы занялись реализацией мер по борьбе с плагиатом, а начать можно с того, чтобы лишать уличенных в плагиате права преподавать и заниматься наукой.

Пакистану необходимо выстроить инфраструктуру, которая позволяла бы эффективно бороться с плагиатом, протекционизмом и политическими играми в науке.

Пересмотреть критерии отбора сотрудников

Чтобы в долгосрочной перспективе повысить научные стандарты, необходимо готовить более квалифицированных исследователей и нанимать более подготовленных преподавателей. В настоящее время большинство преподавателей пакистанских вузов не имеют опыта работы в качестве постдоков. В развитых странах наличие такого опыта является обязательным условием для найма, потому что постдоки нарабатывают дополнительные исследовательские навыки, которые впоследствии нужны для работы в университете. Стоит пересмотреть политику найма преподавателей в Пакистане. Ключевое значение для спасения пакистанского академического сообщества

имеют высокие стандарты и прозрачность процедуры отбора. Сейчас всякий, кто получил степень PhD, получает и должность старшего преподавателя. Может быть, вместо этого стоит сначала нанимать молодых исследователей в качестве постдоков и только потом рассматривать их как кандидатов на преподавательские должности? Это повысило бы эффективность отбора. А среди тех, кто достоин стать преподавателем, постоянный контракт (и дальнейший карьерный рост) должен быть доступен только тем, кто ведет по-настоящему оригинальные исследования, а не просто выпускает много публикаций.

Работать с исследователями-пакистанцами, прошедшими обучение за рубежом

С 2003 года Комиссия Пакистана по высшему образованию распределяет стипендии для обучения за границей. На сегодняшний день такую стипендию получили 7537 студентов. Это пока самое большое достижение этой комиссии. Цель стипендиальной программы — дать возможность молодым пакистанцам получить образование за рубежом и вернуться работать на благо родины (возвращение домой является обязательным условием участия в программе). Однако ответственные за образовательную политику Пакистана не понимают, зачем человеку заниматься наукой после получения научной степени. В судах страны слушается примерно 300-400 дел против ученых, которые отказались возвращаться на родину после окончания аспирантуры. Если продолжительность стипендиальной программы слишком короткая для тех, кто хочет получить полноценную подготовку (а это, по-видимому, так), то Комиссия по высшему образованию должна задуматься о расширении временных рамок для студентов — участников программы. А если ученые не хотят возвращаться на родину, они могут работать внештатными сотрудниками пакистанских университетов, дистанционно руководить студенческими работами либо соуправлять реализуемыми комиссией проектами.

Подводя итог, нужно сказать, что необходимо срочно менять условия, в которых развивается пакистанская наука. И хотя многие изменения должны быть инициированы университетами и государственными организациями, кое-что может идти снизу, от самих ученых.

Многообразие студенческого сообщества и проблемы демаргинализации в вузах Индии

Нидхи С. Сабхарвал, С. М. Малиш

Нидхи С. Сабхарвал — доцент, С. М. Малиш — старший преподаватель Центра исследований высшего образования Национального университета планирования и управления образованием, Нью-Дели, Индия. E-mail: nidhis@nuera.org и malishcm@nuera.org.

Введение

В последние десятилетия сектор высшего образования в Индии испытал беспрецедентный рост. В 2016 году количество студентов в стране составляло 34 млн, а совокупная доля учащихся превысила 24%, из чего можно сделать вывод о том, что Индия находится на этапе массовизации высшего образования. Эта массовизация сопровождается расширением многообразия студенческого сообщества. В вузы начали поступать представители неблагополучных и маргинализированных групп населения, например бывшие «неприкасаемые» и выходцы из других низших каст, бедных семей и сельских регионов, поэтому социальный состав учащихся вузов Индии изменился. Пока большинство преподавателей и административных сотрудников по-прежнему составляют люди привилегированного происхождения, а большинство студентов — уже выходцы из семей с низким социальным статусом. Это вызывает напряженность и усугубляет проблемы, связанные с диверсификацией студенческого контингента.

Многообразие в вузах Индии

Центр исследований высшего образования Национального университета планирования и управления образованием в Нью-Дели провел крупномасштабное исследование, посвященное многообразию и дискриминации. Было проанкетировано 3200 студентов, проинтервьюировано 200 преподавателей, проведено 70 фокус-групп с участием студентов из разных провинций Индии. Это одно из первых обстоятельных эмпирических исследований в стране, посвященных этой тематике. Исследование выявило необходимость разделения феномена на более конкретные, хоть и взаимосвязанные аспекты, чтобы понять, что такое многообразие и какие шаги нужны для развития толерантности в вузах. Следующие разделы посвящены рассмотрению получившейся классификации.

Аспект I: социальное многообразие

Социальное многообразие легче всего увидеть, перевести в количественные показатели и измерить. Оно выражается в доле студентов, представляющих различные социальные группы: 1) списочные касты; 2) списочные племена; 3) иные отстающие классы; 4) высшие касты. Эмпирические данные показывают, что доля представителей групп 1-3, вытесненных на периферию общества, выросла, поэтому студенческое сообщество стало более многообразным. Мы полагаем, что изменение студенческого состава стало возможным главным образом благодаря неукоснительному соблюдению политики целевого приема в вузы и реализации системы квот.

Впрочем, делать обобщения не стоит. Элитные вузы, в которые можно поступить, только сдав вступительные экзамены, т.е. на конкурсной основе, зачисляются непропорционально много абитуриентов из привилегированных групп населения (высших каст). В таких вузах уровень многообразия низок и продолжается сегрегация студентов разных специализаций в зависимости от касты и этнического происхождения. В этих вузах студенты высших каст составляют более 60%, а низших — всего 9%. Поскольку большинство таких вузов дает образование в сфере математики, естественных и инженерно-технических наук, то строгие правила приема в итоге в значительной мере влияют на круг доступных образовательных программ, перспективы трудоустройства и заработка выпускников.

Аспект II: академическое многообразие

Если первый аспект связан с многообразием абитуриентов, то второй — с тем, что происходит в учебной аудитории и как это влияет на академические достижения. Из-за различий в уровне подготовки студентам из маргинализированных групп населения чрезвычайно трудно конкурировать со студентами из благополучной части общества. Среди первых много тех, в чьих семьях никто раньше не учился в вузе, они являются выпускниками государственных школ, в которых учат, как правило, на региональном языке, поэтому у них ограниченные возможности для подготовки к колледжу.

Поведение университетских преподавателей не всегда благоприятствует тому, чтобы студенты из маргинализированных слоев хорошо справлялись с трудностями, с которыми они сталкиваются во время обучения. Многие преподаватели убеждены, что увеличение доли таких студентов ведет к снижению качества вузов. Бывших «неприкасаемых» они воспринимают как «необучаемых». Низкий уровень взаимодействия между преподавателями и студентами негативно отражается на интеграции этих студентов в академическое сообщество. Таким образом, мы полагаем, что, даже когда им удастся поступить в вуз,

они проигрывают остальным студентам, если руководство вуза не создает для них благоприятные для обучения условия. Иными словами, даже если вузам удастся достичь многообразия среди абитуриентов, достижение академического многообразия остается пока лишь далекой мечтой.

Аспект III: социальная интеграция

Третий аспект связан с тем, насколько вузы, зачисляющие абитуриентов из маргинализированных групп населения, создают условия для их социальной интеграции. Наше исследование показало, что социально-групповая идентичность и различия в уровне академической подготовки становятся источником предубеждений и дискриминации в вузах.

Предубеждения и стереотипы, связанные с кастовым и этническим делением, очень распространены и ведут к открытым и скрытым формам дискриминации как внутри учебной аудитории, так и вне ее. Преподаватели уделяют студентам из низших слоев меньше времени и не поощряют их участие в мероприятиях академического или неакадемического характера. Административные сотрудники нередко унижают таких студентов и пренебрежительно о них отзываются, например называют их «саркари дамад» («студент, специально отобранный правительством и получающий привилегии благодаря системе целевого приема») или «целевой категорией», высмеивают их, и все это обычные проявления дискриминации. Они подвергаются издевкам за свои манеры, акцент, одежду. Выходцы из списочных каст и списочных племен боятся дискриминации и поэтому объединяются по признаку общей идентичности, тем самым еще больше отчуждаясь от большинства.

Наше исследование показало, что социально-групповая идентичность и различия в уровне академической подготовки становятся источником предубеждений и дискриминации в вузах.

Несмотря на наличие институциональных механизмов стимулирования многообразия и защиты студентов от дискриминации, многие из них работают

неэффективно. Это связано главным образом с бестактностью преподавателей и административных сотрудников. Дискриминационные порядки, безусловно, ведут к отчуждению студентов из маргинализированных групп и, соответственно, их социальной изоляции. Они постоянно чувствуют, что им не рады, и вузовская среда остается нетолерантной. Все это ограничивает реализацию потенциала отдельных людей и препятствует их успеху.

Заключение

Можно утверждать, что наблюдается противоречие между политикой расширения системы высшего образования и способностью вузов реагировать на рост социально-культурного многообразия среди студентов. Выделение отдельных аспектов этого феномена и выявление связанных с ними проблем помогают очертить основные направления и стратегии, которые должны помочь формированию атмосферы толерантности в индийских вузах. Для повышения социальной инклюзивности вузов их руководители и административные сотрудники должны понимать динамику студенческого сообщества и принять многообразие как плюс, а не как обузу.

Расширение сектора частного высшего образования в Индии: внутренние противоречия

Эльдхо Мэтьюз

Эльдхо Мэтьюз возглавляет в Британском совете программу интернационализации высшего образования в Южной Индии (Ченнай, Индия). E-mail: eldhomathews@gmail.com.

Споры об относительных преимуществах государственных и частных вузов идут в Индии давно. В последние два десятилетия оба этих сектора росли, и между этими процессами можно провести интересные параллели.

В настоящее время более четверти всех начальных и средних школ Индии — частные, причем их доля в последние десять лет стабильно росла. Выбирая школу для своих детей, многие представители среднего класса отдадут предпочтение частным учебным заведениям, что связано с качеством обучения, обеспеченностью ресурсами, пунктуальностью, тем фактом, что преподавание там ведется на английском, и др.

Если говорить о колледжах и университетах, то, несмотря на (как уже упоминалось выше) практически равномерный рост обоих секторов, ситуация отличается: большинство абитуриентов и их семей по-прежнему предпочитают либо государственные вузы, либо получающие государственное финансирование частные вузы, но не полностью частные.

Система высшего образования в Индии очень сложная и запутанная. Вузы делятся на множество разных типов: центральные университеты, университеты штатов, открытые университеты, частные университеты, «так называемые университеты» (в соответствии со ст. 3 Закона о Комиссии по университетским грантам (UGC) от 1956 года; это означает, что они формально не являются университетами, но тоже получают государственное финансирование. — *Ред.*) и другие учебные заведения, которые имеют право выдавать диплом о высшем образовании. Кроме того, существуют институты бакалаврского образования при центральных университетах и университетах штатов — их называют колледжами. Колледжи могут реализовывать образовательные программы, но не имеют права выдавать собственные дипломы о высшем образовании.

Усиление роли частных вузов и ошибочные обобщения

Частные вузы, не получающие государственного финансирования, сыграли важную роль в резкой массовизации высшего образования Индии, которая выразилась в увеличении числа и студентов, и вузов. Сейчас официальная статистика в стране насчитывает 777 университетов, включая 261 частный. Колледжей, большинство из которых дает максимум бакалаврское образование, — 38 498, из них более 77% — частные. За последние две десятилетия значительно выросло и количество учебных заведений высшего профессионального образования, сейчас в них обучается почти 20% от общего числа индийских студентов, причем наиболее популярны инженерно-технические специальности.

Поскольку сейчас только 28% индийцев в возрасте 18-22 лет учатся в вузах, разрыв между спросом и предложением продолжит расти, а роль частных вузов продолжит увеличиваться.

Притам Сингх, бывший директор престижного государственного Индийского института менеджмента в Лакхнау, сделал недавно важное замечание о положении частных бизнес-школ в стране: «Несмотря на то что некоторым частным институтам удалось отделаться от традиционных стереотипов и стать по настоящему качественными вузами, частный сектор по-прежнему преследует проблемы. Основная из них заключается в том, что руководители частных институтов видят в них в первую очередь бизнес, а не учебное заведение. Они вкладывают в инфраструктуру больше, чем в исследования, а качество преподавателей

оставляет желать лучшего. Компетентные преподаватели не хотят работать в таких вузах, потому что платят они мало и при этом не обеспечивают свободу преподавания и науки».

Это наблюдение актуально в контексте роста сектора частных университетов и не получающих государственной поддержки частных колледжей. В докладе Тандонской комиссии Министерства развития кадрового потенциала от 2009 года содержатся следующие факты, которые верны для многих частных «так называемых университетов»:

- научная работа игнорируется;
- вопреки правилам регулирующих органов взимается дополнительная плата за поступление, что негативно сказывается на доступности образования;
- владельцы вузов назначают родственников на высокие должности, что ставит автономность вузов по угрозу;
- университеты носят имена ныне живущих основателей/собственников, что противоречит всем этическим и культурным нормам и вызывает большое недоумение.

Но есть ряд примечательных исключений: Научно-технологический институт Бирлы, Университет имени Азима Премжи, Манипальский университет и еще несколько вузов, которые поднимают качество частного высшего образования в Индии. Они выделяются на фоне остальных благодаря современной учебной программе, хорошей инфраструктуре, партнерским связям с бизнес-сектором и качеству профессорско-преподавательского состава.

Частные вузы, в отличие от государственных, обладают довольно высокой степенью академической и управленческой автономии. Но лишь немногие из них уделяют должное внимание социальным и гуманитарным наукам. Некоторые известные частные университеты обеспечивают преподавателям конкурентоспособную на внешних рынках зарплату и переманивают лучшие кадры из ведущих государственных вузов или даже из-за границы. Многие государственные вузы отстают от престижных частных университетов в том, что касается наращивания и поддержания связей с бизнес-сектором и иностранными партнерами, помощи выпускникам в трудоустройстве, постоянного обновления учебной программы и т.д.

Влияние на выбор абитуриентов

Несмотря на увеличение количества частных университетов и не получающих государственного финансирования частных колледжей, абитуриенты по-прежнему отдают предпочтение либо государственным университетам, либо вузам, получающим государственную поддержку, что отражается в распространении по всей стране частных репетиторских организаций, которые готовят абитуриентов

к поступлению в престижные государственные вузы. Более 80% магистрантов и аспирантов в Индии учатся в государственных вузах. Среди их основных преимуществ — доступная стоимость обучения и проживания, либеральная атмосфера, многообразие студенческого сообщества и относительно сильная учебная программа. Из-за огромного спроса на образование в таких престижных государственных вузах, как Индийские технологические институты, а также в известных центральных университетах типа Университета имени Джавахарлала Неру, исследовательских вузах, финансируемых Советом по научно-техническим исследованиям, и других конкурс на поступление очень высокий.

Основная причина популярности государственных вузов заключается в том, что подавляющее большинство частных университетов и не получающих государственного финансирования колледжей нацелены на получение прибыли. Это отражается на спектре предлагаемых ими образовательных программ, которые направлены в первую очередь на удовлетворение нужд местного и международного рынка труда, и на высокой стоимости обучения. Большинство этих вузов много тратит на маркетинг и рекламу для привлечения абитуриентов. А отсутствие в частных вузах демократически сформированных союзов делает студентов и преподавателей жертвой эксплуатации, которая может принимать различные формы. И государственные вузы, и частные страдают от нехватки квалифицированных преподавателей, но частные вузы отличаются и отсутствием прозрачности.

**Частные вузы,
в отличие
от государственных,
обладают довольно
высокой степенью
академической
и управленческой
автономии.**

Заключение

В последние два десятилетия сектор частного высшего образования в Индии рос и развивался в различных направлениях. Он по-прежнему требует больше внимания со стороны щедрых филантропов, а не просто предпринимателей, которые гонятся за прибылью и для которых образование — всего лишь товар. Важно понимать, что деление колледжей и университетов на первоклассные, хорошие, средние, посредственные

и слабые в равной степени применимо и к государственным вузам, и к частным. Университеты и колледжи, получающие государственное финансирование (особенно расположенные в средних и малых городах), должны уделять больше внимания повышению качества инфраструктуры и преподавания. У всех вузов есть свои относительные преимущества и недостатки, а значит, все могут учиться друг у друга по вопросам ценовой доступности высшего образования, удержания преподавателей, академической и управленческой автономии, интернационализации, свободы выражения, многообразия студенческого и профессорско-преподавательского состава, инфраструктуры, процедуры приема и др.

Культурная миссия передовых университетов Восточной Азии

Ян Жуй

Ян Жуй — профессор, заместитель декана по международной деятельности факультета наук об образовании Университета Гонконга, Китай. E-mail: yangrui@hku.hk.

Новые результаты университетских рейтингов подкрепляют нас в уверенности, что Восточная Азия станет следующим сверхмощным с точки зрения высшего образования регионом. Восточноазиатские страны с их уникальными традициями трансформируют под свои задачи западную концепцию университета, которая на протяжении веков считалась в мире основной. Они потратили множество усилий на выработку альтернативной модели, которая бы позволила совместить западные традиции с их собственными. Подобный эксперимент влечет за собой серьезные теоретические и практические последствия. Однако смириться со стремительным развитием высшего образования в Восточной Азии оказалось гораздо сложнее, чем можно было предположить. Эта статья основана на результатах недавнего исследования под названием «Совмещающая китайскую и западную образовательную традицию: сравнительный анализ стратегий построения университетов мирового класса в континентальном Китае, Гонконге, Тайване и Сингапуре». Исследование проводилось при поддержке Гонконгского совета по финансированию научных исследований (грант номер 751313Н).

Оценка сложившейся ситуации

Количественные и качественные показатели высшего образования в странах Восточной Азии стремительно улучшаются. В регионе сложилась современная

система высшего образования. Восточная Азия стала третьим по размеру в мире поясом высшего образования, науки и инноваций. Япония давно стала мировой супердержавой в сфере науки и технологий. Китаю, Корее и Сингапуру тоже удалось добиться впечатляющих научных результатов, Тайвань тоже не слишком отстает. На институциональном уровне университеты методично перенимают мировые стандарты качества исследовательской деятельности. Все это не может не вызывать уважения, особенно если взглянуть на другие незападные страны.

Однако, если говорить о будущем развитии, напрашивается определенный скептицизм. С одной стороны, ситуация выглядит так, что можно предположить, что восточноазиатские университеты находятся на подступах к самой яркой фазе своего развития и что они вот-вот вступят в авторитетную лигу ведущих мировых вузов. С другой, несмотря на ошеломительный прогресс с точки зрения повышения качественных и количественных показателей научной продуктивности, восточноазиатские вузы в целом по-прежнему отстают от лучших западных образцов. Их усилия по достижению статуса университетов мирового класса во многом носят скорее подражательный, нежели созидательный характер. На одних только финансовых ресурсах в сочетании со стратегиями инновационного развития далеко не уедешь. Вероятно, что вузы скоро упрутся в своего рода стеклянный потолок.

Исследования реформ высшего образования находятся под мощным экономическим и политическим влиянием. Изучаемый предмет практически не рассматривается через призму культуры, что помогло бы признать силу влияния традиций на текущие процессы. Интересно, что аргументы и оптимистов, и пессимистов отсылают к традиционной культуре Восточной Азии. Не менее интересно, что наиболее радикальных точек зрения придерживаются внешние наблюдатели: исследователи, живущие в этом регионе, более реалистично оценивают все плюсы и минусы. Тем не менее и им пока не удалось подвести теорию под то, чем их вузы отличаются от западных. И это несмотря на то, что они явно гордятся тем, что восточноазиатские университеты отказываются слепо перенимать западные модели.

Количественные и качественные показатели высшего образования в странах Восточной Азии стремительно улучшаются.

Сужение разрыва

Традиционный подход к высшему образованию в Восточной Азии всегда ориентировался на житейские дела. Предпочтение отдавалось решению насущных этических и политических задач, а не метафизическим рассуждениям; политическая прозорливость и этичность ставились выше логики. В древности высшие учебные заведения региона, в отличие от средневековых европейских университетов, обслуживали интересы правителей. На рубеже XIX-XX веков в восточноазиатских странах при создании вузов начали ориентироваться на западный опыт, это происходило в контексте широкомасштабных социальных преобразований, вызванных подъемом национально-освободительных движений и экспансией западного образования на Восток. Фундаментальные различия между западными и восточноазиатскими ценностями изначально были источником непрекращающихся конфликтов, которые порождали новые проблемы.

Уникальное культурное наследие Восточной Азии стало ограничивающим фактором для воспроизводства базовых западных ценностей, лежащих в основе самой идеи университета. Сосуществование двух мощных, но несовместимых ценностных систем стало ключевой проблемой развития высшего образования региона. Регион принял западную модель исключительно из соображений практичности. Предпринимались множественные попытки адаптировать западную концепцию университета под местные реалии, и разные страны выбрали разные подходы, но достичь им удалось немногого. Этим объясняются масштабные успехи в области естественных наук и технологий в противовес социальным и гуманитарным наукам. Именно в этом состоит проблема, сдерживающая развитие образования в Восточной Азии.

Тем не менее трудная и неприятная работа, которой Восточная Азия занялась около века назад, наконец начала давать свои плоды. В регионе, в особенности на уровне отдельных стран, наконец прижилась идея о необходимости очертить университетские ценности. Подавляющее большинство участников моего исследования признало, что вузы становятся более автономными. Даже те, кого беспокоило негативное влияние традиционной культуры и кто призывал к «поискам истины и свободы», соглашались, что региону удалось добиться большого прогресса. Этот прогресс способствует сужению привычного разрыва между местными и западными представлениями об университете. Он даже ставит под вопрос распространённое мнение о безысходности развития высшего образования в Восточной Азии в связи с отсутствием академической свободы и институциональной автономности.

Культурный эксперимент

Модернизация в Восточной Азии началась позже, чем в других регионах, и поэтому она включает в себя ответ на вызовы Запада. Восточная Азия всегда страстно

мечтала догнать Запад. Все участники моего исследования периодически ссылались на крупные мировые вузы, и все без исключения говорили о западных вузах. Они часто упоминали западные вузы, рассказывая о своих международных контактах, стратегических партнерах и о международных рейтингах. Тот факт, что все участники исследования выказывали в интервью глубокое понимание западного общества, необходимо оценивать в контексте осознания глубочайшего воздействия Запада на современное общество и культуру Восточной Азии. Западный подход к образованию стал неотъемлемой частью системы накопления знаний региона, и его жители уже не могут говорить об образовании, не упоминая при этом Запад.

Академическая элита и ученые Восточной Азии полагают, что конфликт между традиционными и западными ценностями может быть разрешен. Я неоднократно слышал это в ходе проведения исследования. Интеллектуальная традиция Восточной Азии вполне устойчива и обладает хорошим потенциалом для поддержания развития идеи университета. На протяжении предыдущего столетия жители Восточной Азии скрупулезно учились у Запада, и теперь они накопили необходимый объем знаний для нахождения правильного баланса. Они обладают гибкостью и открытостью, что позволяет им увидеть в противоречиях движущую силу и новые возможности. Благодаря жизненному прагматизму они готовы использовать любые средства, подходящие для решения существующих проблем. Им не приходится выбирать между местной моделью университета и западной: они в состоянии использовать их обе одновременно и гибко.

Обе традиции стали неотъемлемой частью повседневной жизни элитных университетов Восточной Азии. В регионе идет культурный эксперимент, который уже имеет признаки того, что он будет успешным. Восточноазиатским вузам все чаще удается сделать из прокисшего вина уксус. В отличие от престижных западных визави, которые мало знают о других регионах мира, академическая элита Восточной Азии хорошо понимает не только собственное общество, но и западное. Если западные университеты существуют преимущественно в условиях монокультурной среды, то передовые университеты Восточной Азии совмещают как минимум культуру своего региона и культуру Запада. Такое сочетание имеет большое значение и не имеет прецедентов в истории.

Заключение

Восточной Азии удалось добиться колоссального прогресса вопреки всем трудностям, и есть основания полагать, что она добьется еще большего благодаря совмещению ценностей западной культуры и своих традиций. Передовые университеты Восточной Азии выбрали альтернативный путь развития. Затянутый ими эксперимент показывает, что можно найти баланс между местными и западными представлениями

об университете, которые принято считать взаимоисключающими. Хотя говорить об успехе этого восточноазиатского эксперимента пока рано, текущие процессы, безусловно, можно охарактеризовать как многообещающие.

Преподавание общеобразовательных предметов в китайских университетах

Дуньжун Бе

Дуньжун Бе — профессор, директор Центра изучения развития высшего образования, заместитель декана Института образования Сямыньского университета, Китай. E-mail: yu241504@foxmail.com.

Преподавание общеобразовательных предметов является важной темой для обсуждения в контексте текущей реформы университетов Китая. Ее основная цель — повысить эрудицию студентов, расширить их представления о мире и подготовить их к решению комплексных задач. Многие университеты начали реализовывать новые общеобразовательные программы, а другие начали предпринимать шаги по улучшению уже существующих общеобразовательных программ.

Китайские вузы имеют многолетний опыт преподавания общеобразовательных дисциплин. До 1949 года университетское образование вообще носило общий характер, поскольку экономическая и социальная сфера практически не развивались, а потребности в высококвалифицированных специалистах почти не было. После 1949 года Китай вступил в период широкомасштабного экономического роста, появилась острая потребность в высокообразованных специалистах, в том числе технических. В результате университеты перешли к модели профессионального обучения. Этот переход оказал глубочайшее влияние на китайские вузы, поэтому эта модель по-прежнему остается доминирующей.

Реформирование этой специализированной модели обучения становится для китайских университетов все более важной задачей. Эта модель характеризуется отсутствием гибкости и предполагает изучение преимущественно обязательных предметов. Она сформировалась в соответствии с принципами плановой экономики. Но с учетом реформ последних лет и постепенным зарождением рыночной экономики высшее образование обязано стать более гибким. Первые попытки реформировать высшее образование отно-

сятся еще к концу 1970-х годов, когда ряд вузов ввели факультативные курсы и систему учета кредитов, что открыло путь преподаванию общеобразовательных предметов. В начале 1990-х некоторые китайские университеты, в частности Хуачжунский научно-технологический университет, начали предлагать курсы культурной подготовки («вэньхуа сучжи») или отдельные лекции на схожие темы. В этих курсах и лекциях особенно подчеркивалась роль традиционной китайской культуры, социальных наук, необходимость базового понимания естественных наук, на них также обсуждались новейшие достижения в мире культуры с особым фокусом на китайской классике.

Китайские вузы имеют многолетний опыт преподавания общеобразовательных дисциплин.

Первоклассные многопрофильные университеты как пионеры преподавания общеобразовательных предметов

В самом начале XXI века некоторые первоклассные многопрофильные университеты начали разрабатывать собственные модели гармоничной общеобразовательной подготовки. Например, в 1998 году Нанкинский университет открыл для бакалавров Колледж обучения базовым дисциплинам, который с 2006 года называется Колледжем имени Ямин Куана в честь одного из бывших ректоров. В 2001 году в Пекинском университете открылась Программа имени Юаньпэя (также названная в честь одного из бывших ректоров), на которой небольшое количество студентов первого и второго курса бакалавриата вне зависимости от специальности могут изучать общеобразовательные предметы. Начиная с 2002 года Университет Цинхуа стремится к расширению спектра предлагаемых программ профессионального образования, в связи с чем в 2014 году был открыт Колледж свободных искусств Синья — это ответ университета на широкомасштабную образовательную реформу, призванную совместить преподавание профессиональных дисциплин с принципами широкого гуманитарного образования. Наконец, в 2005 году в Фуданьском университете открылся Фуданьский колледж, который должен обеспечить преподавание общеобразовательных дисциплин студентам бакалавриата. Другие университеты тоже запускают собственные общеобразовательные программы, но нельзя утверждать, что они

основаны на прежних традициях преподавания в китайских вузах. Сейчас эти программы разрабатываются в контексте новых вызовов, с которыми сталкивается современная система высшего образования в Китае, такими как устойчивое развитие, социальная справедливость, перестройка общественных ценностей и этических принципов, интернационализация и глобализация и т.д.

Переосмысляя образование

Все больше китайских университетов различного типа и уровня признает значение общеобразовательных дисциплин и изучает различные модели их преподавания. Результаты исследования университетов, участвующих в Проекте 985, позволяют выделить четыре основные области развития в этой сфере:

- Постановка задач. Фуданьский университет заявил о том, что общие знания нужны для разрушения барьеров между научными дисциплинами, для формирования общей базы интеллектуальных изысканий и для того, чтобы у студентов складывалось комплексное понимание других культур и развивались новые способы мышления. А в Сямыньском университете поставили задачу повышения эрудиции студентов в сфере гуманитарных и естественных наук, искусств, этики и т.д.
- Разработка базовых курсов. В 2015 году Пекинский университет разработал 30 базовых общеобразовательных курсов, направленных на популяризацию классической литературы и стимулирование преподавания через обсуждение. Фуданьский университет разработал шесть общеобразовательных модулей, содержащих почти 180 базовых курсов.
- Изучение новых методов преподавания. Пекинский педагогический университет ввел общеобразовательные семинары для первокурсников, где они учатся писать литературные обзоры, вести групповые обсуждения, делать групповые презентации. В Университете Цинхуа при преподавании общеобразовательных дисциплин используется идея «небольшого класса», позволяющая наладить устойчивый диалог преподавателей и студентов.
- Отладка образовательных механизмов. Обычно для реализации общеобразовательных программ университеты создают специальные колледжи или центры, но в Фуданьском университете создан специализированный центральный совет, который занимается разработкой и планированием базовых общеобразовательных курсов.

В начале долгого пути

Несмотря на то что в ведущих университетах преподавание общеобразовательных дисциплин активно развивается, остальные вузы только подступают к этому вопросу. Перед ними стоит ряд проблем.

В первую очередь им нужно признать ценность общеобразовательных дисциплин. Среди преподавателей и студентов, да и среди широкой общественности, распространено мнение о бесполезности гуманитарного образования в противовес профессиональному. Вторая проблема — где взять основу для разработки общеобразовательных курсов. Современные китайские университеты нередко построены на основе бывших специализированных колледжей, поэтому гуманитарные, социальные и естественные науки в них развиты слабо. В-третьих, необходимо совершенствовать педагогическую методологию, поскольку многие преподаватели привыкли, что основной способ передачи знаний студентам — это лекции. В-четвертых, количество учебных часов и кредитов, выделяемых на общеобразовательные дисциплины, ограничено, поэтому необходимо пересмотреть учебные планы.

Решить все эти проблемы непросто. Китайские университеты должны уделять больше внимания общеобразовательным курсам, повышать качество профессорско-преподавательского состава и реформировать модель профессионального обучения. Перед ними еще долгий путь, который им только предстоит пройти.

Образовательные «стартапы» в жесткой китайской системе высшего образования

У Ханьтянь

У Ханьтянь – аспирант Института образовательных исследований Онтаро, Университет Торонто, Канада. E-mail: hantian.wu@mail.utoronto.ca.

За последние десятилетия в континентальном Китае появилось несколько элитных вузов, которые стремятся стать исследовательскими университетами мирового класса. В качестве примера можно назвать открывшийся в 2011 году Южный научно-технологический университет (SUSTech), основанный в 2013 году Шанхайский технический университет и Вестлейкский институт перспективных исследований (WIAS), открытый в 2016 году и ставший первым шагом на пути к созданию Вестлейкского университета. Эти три элитных вуза были созданы практически без вмешательства центрального правительства и в отсутствие финансирования из центрального бюджета, что принципиально отличает их от остальных китайских университетов. Каждый из них имеет собственные уникальные стратегии развития, модель

финансирования и политику отбора абитуриентов. Вузы были созданы в первую очередь с целью формирования в Китае университетов мирового класса на основе альтернативных моделей. Они финансируются либо муниципальными властями, либо частным сектором. Критерии поступления отличаются некоторой гибкостью и не полностью зависят от существующей общенациональной системы единых вступительных экзаменов (гаокао). Создание этих вузов можно считать инновационной демократической инициативой в развитии китайского высшего образования. С другой стороны, учитывая институциональные особенности и научную ориентацию этих вузов, можно предположить, что они появились благодаря выбранному стейкхолдерами (местными властями и лидерами сферы высшего образования) новому утилитарному подходу. Возможно также, что их появление стало результатом влияния международных университетских рейтингов.

Три молодых элитных вуза

SUSTech — небольшой государственный исследовательский университет, который расположен в Шэньчжэне и который был создан в 2011 году по инициативе муниципального правительства. В 2012 году он получил поддержку национального Министерства образования и был признан «экспериментальной платформой катализации реформы высшего образования в Китае». В 2011 году, несмотря на отсутствие разрешения от центрального правительства, SUSTech набрал первые 45 студентов бакалавриата, руководствуясь при отборе собственными стандартами. В 2016 году был сделан первый набор в магистратуру. В настоящее время в Южном научно-технологическом университете, который состоит из 14 академических подразделений (факультетов и школ), работает 260 преподавателей и учится 3228 студентов бакалавриата. Они изучают преимущественно естественнонаучные и инженерные дисциплины, например физику, химию, биологию, электронное машиностроение.

Шанхайский технический университет — тоже небольшой государственный исследовательский университет. Он расположен в Шанхае, а его учредителями в 2013 году стали муниципальные власти совместно с Китайской академией наук. Первый набор состоялся в 2014 году, когда вуз отобрал на основе собственных критериев и зачислил в бакалавриат 207 студентов. В Шанхайском техническом университете четыре факультета (физики и технологий; информационных наук и технологий; медико-биологических наук и технологий; бизнеса и управления) и два исследовательских института (Институт перспективных иммунохимических исследований и Институт iHuman). В настоящее время в нем учится 849 студентов бакалавриата, 1070 магистрантов и 202 аспиранта. Численность профессорско-преподавательского состава собираются довести до 1000, включая 500 постоянных сотрудников, которых планируют переманить из других вузов мирового класса.

Создание этих вузов можно считать инновационной демократической инициативой в развитии китайского высшего образования.

WIAS — частный некоммерческий исследовательский институт в Ханчжоу, который специализируется на естественнонаучных и инженерных дисциплинах. Он появился в декабре 2016 года, его учредители — муниципальное правительство и Образовательный фонд Ханчжоу–Вестлейк (частный фонд, созданный по инициативе группы ведущих китайских ученых). Один из сооснователей этого фонда, знаменитый биолог из Университета Цинхуа, стал ректором нового института. WIAS состоит из четырех исследовательских институтов, которые занимаются биологией, фундаментальной медициной, естественными науками и передовыми технологиями. Основная задача WIAS — подготовка базы для открытия Вестлейкского университета, небольшого частного исследовательского вуза мирового класса. Местные власти обеспечивают финансовую и политическую поддержку вуза и даже создали специальную структуру, деятельность которой направлена на «содействие его развитию».

Сходства и различия

Если сравнить миссии и концепции описанных новых вузов, можно выделить три основных сходства с точки зрения стратегии их развития. Во-первых, все они хотят стать небольшими исследовательскими университетами мирового класса и специализироваться в области естественных наук и инженерного дела. Во-вторых, все они развиваются по модели американских исследовательских университетов. WIAS, который должен будет превратиться в Вестлейкский университет, открыто ориентируется на образовательную философию Калифорнийского технологического института и Стэнфордского университета. В 2016 году ректор Южного научно-технологического университета заявил, что хочет сделать свой вуз «китайским Стэнфордом». Однако, в отличие от американских частных исследовательских университетов, новые китайские университеты испытывают большее влияние со стороны местного правительства, как это принято в китайской политической системе. В-третьих, все три новых вуза используют альтернативные модели обучения и управления. Однако диапазон возможностей, которыми обладают SUSTech и Шанхайский технический университет, ограничен

тем, что они получают государственное финансирование, и в последние пять лет SUSTech приблизился к остальным китайским университетам в вопросах правил приема абитуриентов.

Как уже отмечалось, основным источником финансирования Южного научно-технологического университета и Шанхайского технического университета — муниципальный бюджет. Правительства двух богатейших городов страны Шэньчжэня и Шанхая смогли обеспечить финансирование этих университетов. WIAS и будущий Вестлейкский университет находятся в совершенно иной ситуации. Будучи частным институтом, WIAS финансируется преимущественно Образовательным фондом Ханчжоу–Вестлейк. В число его доноров входит ряд известных китайских предпринимателей. Муниципальные власти Ханчжоу тоже вложили средства в этот «стартап». Но, скорее всего, благодаря наличию частного финансирования, будущий Вестлейкский университет будет более автономным, чем SUSTech и Шанхайский технический университет.

Критерии отбора абитуриентов являются в некоторой степени показателем уровня автономности вуза. SUSTech утратил эту автономию, и, хотя он по-прежнему проводит собственные вступительные экзамены (результаты которых составляют 30% от итогового балла абитуриента) и учитывает оценки в аттестате (10% итогового балла), основным критерием (60%) является все же результат гаокао. Шанхайский технический университет проявляет более диверсифицированный подход и учитывает не только результаты гаокао и школьные оценки, но и личное мотивационное письмо абитуриента, а также рекомендации. Помимо этого, приемная комиссия проводит «обстоятельные собеседования» для оценки «общего уровня подготовки» («цзунхэ сучжи») абитуриентов. Несмотря на то что результаты гаокао имеют наибольший вес в итоговом балле, требования к поступающим в SUSTech и Шанхайский технический университет более гибкие, чем в других китайских вузах, подавляющее большинство которых ориентируется только на гаокао. Как маленький частный университет, WIAS может в будущем иметь значительно более гибкую политику приема.

Низовые инициативы или прагматичный выбор?

Как уже упоминалось, эти университеты-«стартапы» можно назвать значимой инновационной демократической инициативой в китайском секторе высшего образования. В отличие от остальных китайских университетов, которые до сих пор, несмотря на три десятилетия реформ, несут в себе советский дух, описанные выше вузы с самого начала ориентируются на западные модели, хотя влияние правительства в рамках сложившейся в стране политической системы нельзя недооценивать.

Однако вполне вероятно, что мотивация академического сообщества и местных властей носит главным образом прагматический характер и вызвана интересом к международным университетским рейтингам. Научная специализация трех новых вузов, их стратегия развития по модели американского исследовательского университета и стремление привлечь знаменитых ученых — все это отвечает критериям, используемым составителями университетских рейтингов. Для местных властей заявка на создание первоклассного университета, который бы поднялся высоко в рейтингах, — своего рода запоминающийся проект, которым можно гордиться и который положительно отразится на их имидже. Это может стать причиной появления проблем, связанных с повышением качества образования и исследовательского потенциала молодых ученых, т.к. им просто будет уделяться меньше внимания. К тому же, несмотря на то что центральное правительство пока практически не вмешивается в деятельность новых вузов, чрезмерная вовлеченность местных властей в их работу может застопорить их институциональное развитие. Поскольку в случае WIAS роль муниципального правительства меньше, следить за развитием Вестлейкского университета будет особенно интересно. Иными словами, эти образовательные «стартапы» должны еще выдержать проверку временем.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально.

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

91

Осень
2017

